PROF. D-r PAUL HAENSEL. BEITRÄGE ZUR FINANZGESCHICHTE.
Lieferung 1: Altertum.

Проф. П. Гензель.

Глубокоуважаемому
Александру Аполлоновичу
Мануилову
от искренне преданного
автора.
28 окт. 1913 г.

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРІИ ФИНАНСОВЪ.

Выпускъ первый: Древній міръ.

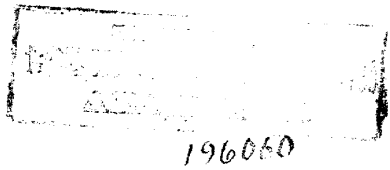
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛ
А.Е.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1913.

2-й экз

HJ
235

Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Московскаго Коммерческаго Института»,
Экон. отд. 1913 г. кн. I,



196060

Очерки по исторіи финансовъ.

Очеркъ I. Финансы древняго міра.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Избранная авторомъ тема нуждается въ оправданіи: легко можно предвидѣть возраженіе, что появилась новая работа по малоинтересному вопросу изъ исторіи отдаленныхъ временъ, да еще чужихъ странъ... Неужели для русскаго финансиста не нашлось болѣе современной темы изъ родной и малоизслѣдованной дѣйствительности? На этотъ упрекъ, прежде всего, необходимо отвѣтить, что «исторія финансовъ» никогда еще не была предметомъ спеціальнаго изслѣдованія финансистовъ. Правда, въ учебникахъ финансовой науки, обычно, даются краткіе очерки нарастанія государственныхъ потребностей и способовъ собиранія государственныхъ средствъ, однако эти экскурсы въ область исторіи носятъ, по общему правилу, случайный характеръ и составлены по тѣмъ немногимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, которыя были произведены историками изъ области организаціи финансовъ тѣхъ или иныхъ странъ и тѣхъ или иныхъ эпохъ. Слѣдовательно, всякая мало-мальски добросовѣстная работа, дающая связный очеркъ исторіи финансовъ, хотя бы такой трудъ носилъ и компилятивный характеръ, восполняетъ существенный пробѣлъ нашей науки, а потому и не можетъ казаться излишней. Съ другой стороны, при современномъ состояніи источниковъ, исторія финансовъ можетъ быть посвящена только Западной Европѣ и нѣкоторымъ древнимъ государствамъ. По глубокому убѣжденію пишущаго эти строки, далеко еще не настало, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ никогда и не настанетъ, къ сожалѣнію, время, когда можно будетъ написать связную исторію финансовъ Россіи, по крайней мѣрѣ для болѣе ранняго времени. Пока не будутъ изданы всѣ главнѣйшіе матеріалы и источники, нельзя даже и мечтать о подобной работѣ; изслѣдованія же, основанныя на чисто архивномъ матеріалѣ, неизбѣжно должны носить у насъ весьма спеціальный характеръ или зависѣть

часто отъ слѣпого случая — случайнаго открытія соотвѣтствующихъ документовъ. Только сравнительно близкія намъ эпохи русской финансовой жизни могутъ быть изслѣдованы надлежащимъ образомъ и достаточно широко, но здѣсь нужна предварительная работа цѣлаго поколѣнія историковъ, — прежде чѣмъ можетъ появиться, «исторія русскихъ финансовъ»...

Во всякомъ случаѣ авторъ необходимо оговориться, что своей работѣ онъ могъ посвящать лишь свой досугъ (правда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ). Поэтому-то получились лишь отрывочные «очерки по исторіи финансовъ». Впрочемъ, авторъ и не задавался цѣлью всесторонне изслѣдовать финансовую исторію. Его интересовалъ, прежде всего, вопросъ о происхожденіи принудительныхъ налоговъ, т.-е. о происхожденіи самой идеи лишенія гражданъ права собственности для финансовыхъ цѣлей государства. Право собственности, несомнѣнно, старѣе государства, государство — старѣе принудительныхъ налоговъ, и происхожденіе послѣднихъ является важной, но и чрезвычайно трудной темой для финансиста. Всѣ чисто техническіе вопросы прямого обложенія, всякаго рода частноправовые сборы и такъ наз. косвенные налоги остались, по общему правилу, безъ разсмотрѣнія, особенно, если это уже было предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій: въ такихъ случаяхъ авторъ считалъ себя въ правѣ ограничиться лишь простыми ссылками на соотвѣтствующія сочиненія. Не въ меньшей степени автора занималъ вопросъ о вліяніи государственнаго хозяйства на экономическую жизнь отдѣльныхъ народовъ; однако многіе интереснѣйшіе, какъ кажется автору, выводы по этому вопросу будутъ даны въ послѣдующихъ частяхъ настоящихъ «очерковъ». Въ данный моментъ пришлось ограничиться печатаніемъ лишь первой части, такъ какъ другіе написанные уже «очерки» не обработаны, къ сожалѣнію, въ сколько-нибудь достаточной степени. Впрочемъ, и предлагаемый ниже «очеркъ I» далеко не можетъ почитаться законченнымъ и въ настоящемъ видѣ мало удовлетворяетъ автора, но въ виду обширности и сложности темы, пусть послужатъ для него извиненіемъ слова Гёте: «So eine Arbeit wird eigentlich nie fertig, man muss sie für fertig erklären, wenn man nach Zeit und Umständen das Möglichste daran getan hat (Ital. Reise, Caserta, d. 16 März 1787)».

Іисусъ сказалъ: «Какъ тебѣ кажется, Симонъ, цари земные съ кого берутъ пошлины или подати—съ сыновъ своихъ или съ постороннихъ?» Петръ говоритъ Ему: «Съ постороннихъ». Іисусъ сказалъ ему: «итакъ сыны свободны». (Матѳ., 17, 25 сл.).

Грецiя.

Въ древне-греческомъ мірѣ государственныя потребности были, конечно, весьма ограниченны. Изъ легендъ и преданій мы узнаемъ, что греческіе цари-басилеи выдѣляются среди остального населенія своимъ крупнымъ богатствомъ: въ ихъ рукахъ сосредоточиваются запасы драгоцѣнныхъ металловъ, дорогія украшенія и лучшее оружіе; имъ принадлежитъ значительная часть земли съ большимъ числомъ рабовъ и оброчныхъ крестьянъ; басилеи не чуждались и торговли, даже, быть можетъ, они отчасти имѣли монополію торга въ нѣкоторыхъ мѣстахъ[1]). Греція временъ Гомера представляла собою страну съ натуральнымъ хозяйствомъ; металлы уже извѣстны, но они не являются орудіемъ обмѣна, а таковымъ является скотъ: всѣ цѣнности расцѣниваются на скотъ. Доходы государства слагаются въ данномъ случаѣ исключительно изъ наемной платы за пользованіе государственными землями или рудниками, или, самое большое, изъ платы за пользованіе рынкомъ, пристанью или общественнымъ выгономъ. Среди простыхъ хозяйственныхъ и политическихъ условій мелкихъ греческихъ государствъ одинаково ничтожны какъ доходы, такъ и потребности государства. Въ древнія времена платы за услуги гражданъ на пользу общества, т.-е. вознагражденія чиновникамъ, не знали. Всѣ должности представляли собою почетныя должности, различныя письменныя счетныя обязанности и всю, такъ сказать, черную работу исполняли государственные рабы, и даже снаряженіе въ военный походъ и собственное продовольствіе во время похода лежало на самомъ воинѣ. За отправленіе правосудія тяжущіеся приносили подарки царю-судьѣ. Когда же въ Греціи распространился аристократическій режимъ, то подарки приносились судьямъ-аристократамъ, засѣдавшимъ на рынкѣ. При этихъ условіяхъ не было нужды въ какой-либо сложной финансовой системѣ, ибо расходы государства сводились главнымъ

[1]) Meyer, Ed., Handw. d. Staatsw., 2 Aufl., III, 936.

образомъ къ расходамъ на устройство общественныхъ зданій; да и эти заботы въ значительной степени брали на себя богатые граждане [1]).

Съ теченіемъ времени государственныя задачи отдѣльныхъ греческихъ государствъ начинаютъ значительно усложняться. Мѣсто прежнихъ деревянныхъ храмовъ заступаютъ великолѣпные каменные храмы; военное дѣло совершенствуется, и, во время болѣе продолжительныхъ экспедицій, государство должно брать на себя издержки по содержанію войска; городъ укрѣпляется каменной стѣной; возникаетъ потребность и въ созданіи военнаго флота. Наконецъ тамъ, гдѣ демократическій строй получилъ широкое признаніе, пришлось выдавать жалованье государственнымъ чиновникамъ: принципъ равноправія требовалъ, чтобы каждый гражданинъ могъ домогаться государственной должности, а отсюда естественно было выдавать жалованье за выполненіе государственныхъ обязанностей, чтобы не преградить доступа менѣе состоятельнымъ гражданамъ. Конечно, эта точка зрѣнія восторжествовала только послѣ многолѣтней партійной внутренней борьбы, такъ какъ идея оплачиваемыхъ государственныхъ чиновниковъ долго не мирилась съ античными формами государственнаго управленія [2]). Если расходный бюджетъ сдѣлалъ такимъ образомъ уже рѣшительный шагъ впередъ [3]), то, наоборотъ, въ доходномъ бюджетѣ все еще долго удерживаются патріархальныя воззрѣнія, — воззрѣнія на государство, какъ на частное лицо въ дѣлѣ полученія общественныхъ средствъ [4]). Наиболѣе значительная доля доходовъ Аѳинскаго государства получалась въ видѣ платежей союзниковъ [5]). Союзная касса была во второй половинѣ V вѣка перенесена изъ Делоса въ Аѳины, и аѳиняне считали ее своей собственностью уже просто потому, что за тѣ деньги, которыя вносили союзники, Аѳины взяли на себя обязательство защищать Грецію отъ на-

---

[1]) Ср. Cavaignac, Histoire financière d'Athènes, 1908, p. 4 etc.

[2]) Meyer, ib.

[3]) Одно только жалованье членовъ совѣта пятисотъ поглощало до 17 талантовъ (т.-е. до 40.000 руб. по количеству содержимаго серебра) въ годъ; см. дальнѣйшія данныя у Schoemann (Lipsius), Griechische Altertümer, 1897, 1, 476 сл. На текущіе расходы тратилось не менѣе 400 талантовъ, а со временъ большихъ построекъ до 2000 талантовъ въ годъ (тамъ же, 484).

[4]) Совокупная масса государственныхъ доходовъ въ 421 году до Р. Хр. (если вѣрить заявленію одного лица у Аристофана, «Осы», 660) составляла до 2000 талантовъ въ годъ, изъ коихъ 3/5 составлялъ трибутъ союзниковъ; ср. Cavaignac, Histoire, 132.

[5]) О способахъ разверстки фороса союзниковъ см. у Бузескула, Аѳинская демократія, стран. 225 сл. и ср. Cavaignac, Histoire financière d'Athène, 1908, introd., 43 и 128.

паденій варваровъ. Изъ другихъ источниковъ государственнаго дохода главнѣйшею была арендная плата за пользованіе государственными земельными участками и прочими недвижимостями и рудниками. На ряду съ судебными пошлинами и штрафами существовали также различные промысловые и подушные сборы, но, конечно, этимъ послѣднимъ сборамъ не могли подлежать собственные полноправные граждане; впрочемъ,—такъ наз. *πορνικὸν τέλος* съ лицъ, занимающихся проституціей, взимался даже съ гражданъ, но это потому, что лица, занимавшіяся этой профессіей, считались потерявшими гражданскія права. Но главное значеніе среди различныхъ принудительныхъ сборовъ Аѳинскаго государства имѣли ввозныя и вывозныя пошлины (1/50 съ цѣнности товаровъ); онѣ давали вскорѣ послѣ пелопоннесской войны около 30—36 талантовъ въ годъ; гораздо меньше давали разные рыночные сборы (отчасти въ видѣ привратныхъ сборовъ) [1]). Если такимъ образомъ и были установлены налоги чистѣйшей воды, какъ, напр., сборъ въ размѣрѣ извѣстнаго процента съ продажной суммы рабовъ и лошадей, то все же это носило какъ бы частноправовой характеръ (какъ плата за регистрацію факта покупки), и самая идея государственнаго взиманія налоговъ была настолько чужда тогдашнему міру, что населеніе того времени совершенно не могло допустить мысли, чтобы нѣчто подобное могли взимать государственные чиновники. Установленіе этихъ разнообразныхъ сборовъ — по воззрѣніямъ того времени частнохозяйственнаго характера — не противорѣчило тогдашнимъ идеямъ, но собираніе ихъ могло производиться, конечно, не инымъ способомъ, какимъ получались всѣ частнохозяйственные доходы государства, т.-е. не иначе, какъ сдачей въ аренду, т.-е. на откупъ, подобно тому, какъ сдавались въ аренду государственныя земли или рудники [2]). Но, что̀ особенно интересно, государство въ финансовомъ отношеніи совершенно не разсматривалось какъ самостоятельное цѣлое, какъ самодовлѣющій институтъ. Нѣтъ, тратить государственныя средства на общеполезныя цѣли можно, но удерживать излишки доходовъ надъ расходами для государства было вещью совершенно несуразной. Другими словами, государство не можетъ копить излишковъ, оно не можетъ удерживать для себя какую-либо часть государственныхъ доходовъ или приберечь ее на будущее время. Государственной казны, какъ самостоятельнаго

[1]) Schoemann-Lipsius, I, 488.
[2]) Meyer, ibid.; ср. М. Ростовцевъ, Исторія государственнаго откупа, 1899, стран. 9 и 47.

учрежденія, нѣтъ, и всѣ излишки должны быть возвращены гражданамъ. Если граждане довѣряютъ удовлетвореніе общихъ нуждъ, а слѣдовательно и расходованіе общихъ средствъ особымъ довѣреннымъ людямъ, стоящимъ во главѣ государства, то это только удобства ради, но принципіально граждане лишь сообща поручаютъ свое частное достояніе, ибо государство того времени — это просто собраніе, просто агломератъ отдѣльныхъ полноправныхъ гражданъ. Поэтому излишки доходовъ надъ расходами попросту дѣлились между отдѣльными гражданами. Какъ эти послѣдніе привыкли дѣлить между собою военную добычу или доходъ отъ рудниковъ, такъ они дѣлили и всякій излишекъ общихъ доходовъ надъ общими расходами [1]). Дѣлежъ такихъ остаточныхъ средствъ вызвалъ, конечно, усиленную партійную борьбу. Вѣдь здѣсь рѣчь шла о соціальномъ распредѣленіи общественнаго достоянія. Какъ въ наше время въ извѣстныхъ слояхъ общества раздаются грозныя филиппики противъ прогрессивнаго обложенія и противъ чрезмѣрнаго потворства демократическимъ элементамъ, такъ и въ древней Греціи раздаются горячія жалобы на то, что чернь забираетъ власть въ свои руки, что «она силой захватываетъ общія деньги, что насталъ конецъ порядку и что болѣе уже нѣтъ равномѣрнаго распредѣленія (общаго достоянія)» (Theognis, v. 677, цит. у Meyer'a). Въ Аѳинахъ Ѳемистоклу удалось въ 482 году убѣдить согражданъ отдавать излишки доходовъ на постройку большого флота. Сознаніе того, что запасы необходимы, особенно при столь неэластичномъ бюджетѣ и на случай экстренныхъ нуждъ, побуждало многихъ дѣятелей Греціи ратовать въ пользу передачи излишковъ или части ихъ богамъ, т.-е. на сохраненіе въ храмы. Уже издавна было въ обычаѣ жертвовать богамъ богатые дары и предоставлять имъ участіе въ дѣлежѣ непріятельской добычи или излишкахъ; обычно главный чтимый богъ получалъ 10-ю часть. Такимъ путемъ въ храмахъ нерѣдко скоплялись огромнѣйшія суммы, въ десятки милліоновъ рублей на наши деньги (напр., по Ѳукидиду, II, 13, въ храмѣ Аѳины 9700 талантовъ — 26 милл. руб.). Храмы были надежнымъ мѣстомъ для храненія казны въ то время, и на святотатство люди не рѣшались. Впрочемъ, надлежитъ имѣть въ виду, что въ древнемъ мірѣ вообще мало различали казну государства и казну бога [2]), и деньги складывались вмѣстѣ. Намъ неизвѣстно, откуда пошла самая идея отдачи общественныхъ средствъ

[1]) Meyer, H. d. St. ibid.
[2]) Ср. E. Bourguet, L'administration du sanctuaire pythique au IV siècle av. I.-C. 1905 p. 14.

въ храмы, но можно безъ особаго преувеличенія сказать, что грекамъ скорѣе чужда мысль о государственной казнѣ, какъ самостоятельномъ институтѣ, чѣмъ мысль о казнѣ бога, предназначенной въ крайнихъ случаяхъ помогать государству. Съ теченіемъ времени расчлененіе обѣихъ кассъ проводится все сильнѣе [1]), не говоря уже о томъ, что для нѣкоторыхъ цѣлей вообще существовали особыя самостоятельныя кассы (военныя и друг.), излишки которыхъ передавались опять-таки въ храмы. Использовать суммы, сложенныя въ храмѣ, даже на нужды государства можно было лишь съ соблюденіемъ различныхъ формальностей. Никто не могъ предложить употребить отданныя Аѳинѣ или другому божеству деньги, не получивъ заранѣе индемнитета (ἄδεια), т.-е. прощенія, иначе за такого рода предложеніе полагалось тяжелое наказаніе. Но разъ наступало совершенно исключительное положеніе дѣлъ, то казна, сложенная въ храмѣ, поступала въ распоряженіе правительства, при чемъ послѣднее обычно давало обѣщаніе вернуть деньги съ процентами, правда — съ процентами иногда крайне ничтожными (напр., $1^1/_5{}^0/_0$ въ годъ во время пелопоннесской войны).

Итакъ, излишки шли въ пользу гражданъ или, по крайней мѣрѣ, принципіально принадлежали имъ. Но какъ было, если оказывалась недохватка, дефицитъ? По тѣмъ же частнохозяйственнымъ принципамъ древне-греческой финансовой системы, граждане должны были пополнить дефицитъ. Какіе-нибудь прямые налоги, хотя бы поземельный или подушный налогъ, были совершенно несовмѣстимы съ античными представленіями о свободномъ государствѣ и свободныхъ гражданахъ [2]). Въ свободномъ государствѣ нельзя ограничить свободное распоряженіе собственностью со стороны гражданина. Подобнаго рода налоги могли, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, существовать только въ несвободномъ государствѣ: если покоритель взималъ налогъ, то это — взамѣнъ дани, взамѣнъ того, чтобы не отнять всего иму-

---

[1]) См. по этому вопросу Beloch, Rhein. Mus. N. F. 39, S. 49 u. f., прим. 268 Fränkel'я къ Boeckh, Staatsh. u. H. Nöthe. Der delische Bund, Magd. 1889, S. 19 u. f.

[2]) Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить характерную особенность, что греки отличались довольно большой изобрѣтательностью по части разнаго рода налоговъ. Такъ, напр., Ификратъ предложилъ единовременный налогъ на балконы верхнихъ этажей зданій, выступающіе на улицу, а также и на двери, выходящія на улицу (A. Böckh, Staatshaushaltung der Athener. 3 Aufl. (Fränkel), I, 696) — однако и въ этихъ налогахъ сказывается частноправовая точка зрѣнія: платежъ за пользованіе улицей (мотивъ, аналогичнымъ образомъ выставленный въ свое время тираномъ Гиппіемъ, приказавшимъ платить за право пользованія улицей).

щества покоренныхъ. Не даромъ и въ Римѣ, какъ мы увидимъ далѣе, признавался тотъ же принципъ. Въ древне-еврейскомъ правѣ мы точно такъ же находимъ прямой налогъ лишь въ покоренныхъ ханаанскихъ земляхъ[1]). И въ Греціи прямые налоги встрѣчаются лишь съ «подданныхъ» въ узкомъ смыслѣ слова, а не со свободныхъ гражданъ; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи подушную подать платятъ рабы, иностранцы и метойки. Только тираны, напр. Писистратиды въ Аѳинахъ, могли взимать прямые налоги. Наоборотъ, въ греческихъ республикахъ прямые налоги, по общему правилу, *не* встрѣчаются. Личные налоги вообще противорѣчатъ понятію древнихъ, и нести налогъ могло только имущество[2]), но и послѣднее облагалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ и вообще въ почетной формѣ[3]). Поэтому греческіе правители прибѣгаютъ къ особымъ пріемамъ косвеннаго извлеченія доходовъ, именно къ установленію монополій. Обыкновенно, такія монополіи устанавливались на сравнительно непродолжительный срокъ; о постоянныхъ или долговѣчныхъ монополіяхъ не дошло до насъ почти никакихъ

---

[1]) Приношенія Богу и храму извѣстны въ Іудеѣ съ древнѣйшихъ временъ (такъ, Іаковъ обѣщаетъ десятину, Быт., 28, 22, ср. Исх., 34, 26; Втор., 14, 22 сл.; см. статью Taxation and tribute, Encyclopaedia Biblica, ed. Cheyne and Black, v. IV, 1903). Когда эти сборы пріобрѣли болѣе постоянный и принудительный характеръ, сказать трудно, но несомнѣнно, что въ болѣе раннія эпохи платежи на церковныя и государственныя цѣли не различались, тѣмъ болѣе что обѣ цѣли обычно совпадали (ср. W.R. Smith, Religion of the Semites, new ed., 1894 p. 246). Если въ Библіи мы находимъ глухія указанія на то, что уже Давидъ и особенно Соломонъ, повидимому, взимали налоги (цензъ 2 Цар., 24, 1 сл.; 2 Цар., 20, 24, и 3 Цар., 4, 6), то все же это—какое-то нововведеніе, вызывающее ропотъ (3 Цар., 12, 4 сл.) и даже возстаніе при преемникѣ Соломона (3 Цар., 12, 18). Мнѣ представляется, что Соломонъ, если онъ дѣйствительно обложилъ населеніе податями, воспользовался церковной системой обложенія, особенно уже потому, что большіе расходы Соломонова двора были вызваны постройкой храма (3 Цар., 5, 13 сл.). Вообще же, еврейскій царь могъ имѣть лишь доходъ отъ своихъ имѣній (1 Цар., 8, 12), дани (4 Цар.. 3, 4), военной добычи (2 Цар., 8, 11 и 12, 30), даровъ (3 Цар., 4, 21; 1 Цар., 10, 27; 1 Цар., 16, 20; 3 Цар., 10, 28 сл.), отъ косвенныхъ налоговъ (3 Цар., 10, 15) и конфискацій (3 Цар., 21, 1 сл.). Что же касается до условій царствованія, выговоренныхъ Самуиломъ (1 Цар., 8, 11 сл.; здѣсь говорится о правѣ царя взимать десятину съ виноградниковъ и отъ мелкаго скота), то это мѣсто либо принадлежитъ болѣе позднему автору (ср. Enc. Bibl., IV, 4907), либо здѣсь представлены преувеличенныя требованія (для устрашенія предъ перспективой крайней царской власти). Въ идеальномъ государствѣ пророка Іезекіиля налоговъ нѣтъ, а собираемые княземъ сборы натурой должны употребляться на жертвоприношенія (Іез., 45, 15 сл.). — Нечего говорить, однако, что порабощеніе евреевъ всегда вело къ многочисленнымъ и тяжелымъ поборамъ въ пользу побѣдителя. Объ этомъ см. въ Enc. Bibl., стран. 4908 сл.

[2]) Böckh указываетъ на Demosth., g. Androt. 22, 54 (*καίτοι εἴ τις ἔροιτ' αὐτόν, τας εἰσφοραὶ πότερον τα κτήματ' ἢ τα σώματ' ὀφείλει, τὰ κτήματα φήσειεν ἄν, εἴπερ ἀληθῆ λέγειν βούλοιτο. ἀπὸ γαρ τούτων εἰσφέρομεν*).

[3]) Böckh, I, 367.

свѣдѣній [1]). Чаще всего прибѣгали къ монопольной продажѣ хлѣба: напр., государство запрещаетъ привозъ хлѣба и само беретъ на себя продажу такового, закупая его на иностранныхъ рынкахъ. Или, напр., государство запрещаетъ вывозъ хлѣба изъ страны, изобилующей хлѣбомъ; хлѣбъ падаетъ въ цѣнѣ, и по этой пониженной цѣнѣ государство скупаетъ хлѣбъ, а затѣмъ опять разрѣшаетъ вывозъ: цѣны поднимаются, вслѣдствіе чего казна съ выгодой продаетъ хлѣбъ. По общему правилу, вводилась монополія продажи, но никогда не монополія производства, т.-е. устраивалось то, что американцы называютъ corner, — монополизируютъ продажу даннаго продукта. Пифоклъ, напр., предложилъ аѳинянамъ скупить все олово у откупщиковъ лавріонскихъ рудниковъ по рыночной цѣнѣ и продать затѣмъ втридорога. Надо замѣтить, что эти монополіи, о которыхъ до насъ дошли многочисленныя свидѣтельства, оказывали, конечно, чрезвычайно неблагопріятное дѣйствіе на народное хозяйство, особенно потому, что онѣ практиковались внезапно и сплошь и рядомъ въ періоды народныхъ бѣдствій. Но неразвитость правильной финансовой системы заставляла прибѣгать къ подобнымъ временнымъ монополіямъ, и эти пріемы даже прямо рекомендуются тогдашними экономистами (напр., псевдо-Аристотелевой экономикой)[2]). Если нехватало и монопольныхъ источниковъ или военной добычи, то все же какъ-нибудь покрыть дефицитъ надо было, и, естественно, правительство обращается въ такихъ случаяхъ ко всѣмъ гражданамъ. Тогда всѣ полноправные граждане были обязаны внести каждый поровну на покрытіе расходовъ по такому экстренному случаю. По существу дѣла, это — просто подушный налогъ, какой требовалъ, напр., царь израильскій Менаимъ, когда надо было собрать дань ассирійскому царю (2 Цар., 15, 20). Но греческій подушный сборъ отличался отъ израильскаго подушнаго налога принципіально какъ разъ тѣмъ, что для грека это былъ платежъ свободнаго человѣка на общую цѣль. О подобномъ собираніи средствъ мы слышимъ еще во времена Гомера. Позднѣе, въ Греціи поголовный сборъ (*εἰσφορά*) начинаютъ видоизмѣнять, именно сообразовывать съ имущественнымъ достаткомъ гражданъ. При болѣе примитивныхъ хозяйственныхъ условіяхъ можно было еще довольствоваться чисто подушнымъ обложеніемъ, но по мѣрѣ развитія экономической жизни и по мѣрѣ увеличенія пропасти между бѣднымъ и богатымъ уже нельзя было довольствоваться поголовной раскладкой, т.-е. заставлять всѣхъ пла-

[1]) Riezler, 51.
[2]) Riezler, 52.

тить поровну, а надо было принимать въ соображеніе имущественное положеніе плательщика. Когда въ Аѳинахъ при Солонѣ упрочилось дѣленіе населенія на 4 класса — дѣленіе, введенное отнюдь не для податныхъ цѣлей [1]) (въ 1-й классъ заносились получавшіе со своихъ полей не менѣе 500 мѣръ плодовъ или 500 метретовъ жидкихъ продуктовъ, во 2-й — получавшіе 300 мѣръ, въ 3-й — 200 мѣръ, въ 4-й классъ — остальные жители, т.-е. неимущіе, ѳеты), то и эйсфора распредѣляется между жителями не поголовно, а сообразно классу, куда отнесенъ данный плательщикъ. Слѣдовательно, въ грубой, правда, степени начинаютъ признавать принципъ налогоспособности, хотя въ предѣлахъ каждаго класса сохранялась прежняя неравномѣрность, такъ какъ тутъ раскладка оставалась поголовной. Впрочемъ, въ болѣе позднія времена дѣлались попытки провести градацію сообразно имущественному положенію въ гораздо большей степени: сначала сообразно количеству земли, позднѣе сообразно общему достатку плательщиковъ. Какихъ-либо личныхъ изъятій не существовало, и налогу подлежали даже малолѣтніе, освобождавшіеся, напр., отъ литургій; болѣе мелкія имущества, т.-е. цѣнностью, какъ полагаютъ, менѣе 1000 драхмъ, обложенію не подвергались [2]). Вначалѣ эйсфора вообще носила характеръ только патріотической подписки по чрезвычайному поводу, и, повидимому, до коринѳской войны (395—387 г.) государство разсчитывало просто на добрую волю гражданъ, не прибѣгая къ принудительнымъ контрольнымъ мѣрамъ [3]). Появленіе спеціально обученныхъ наемныхъ войскъ со времени пелопоннесской войны и особенно въ эпоху коринѳской войны (а такой особый военный классъ сдѣлался необходимостью, когда военныя операціи стали повторяться часто и длились многіе года) заставило обратить особенное вниманіе на правильную организацію финансовъ, почему и были приняты мѣры къ болѣе исправному поступле-

---

[1]) Самыя раннія упоминанія о взиманіи эйсфоры не идутъ далѣе середины V вѣка до Р. Хр. (т.-е. значительно позднѣе Солона), а первое сколько-нибудь опредѣленное свидѣтельство о ней относится къ 428 году (Schoemann-Lipsius, I, 495). Я не вхожу, конечно, въ разсмотрѣніе исторіи «реформъ Солона» (см. Р. Виппер ъ, Лекціи по исторіи Греціи, I, 1905 г., стран. 99 сл.), такъ какъ мнѣ важно лишь подчеркнуть, что политическое дѣленіе не преслѣдовало собственно фискальныхъ цѣлей.

[2]) См. обширную статью Lecrivain, Dict. des ant. gr. Daremberg et Saglio подъ сл. Eisphora, гдѣ цитируются всѣ главные тексты; ср. также ст. въ Pauly-Wissowa Realencyclopaedie, т. 5, и у Francotte, Les finances des cités grecques, 1909.

[3]) Cavaignac, Les classes soloniennes, Wochenschrift f. Soc. u. Wirtschaftsgesch., 1911, IX, S. 9.

нію эйсфоры [1]). Но, какъ бы то ни было, эйсфора[2]) представляла собою лишь чрезвычайный сборъ[3]), очень непопулярный, часто поступавшій весьма неисправно. Неудивительно, что къ этому виду обложенія обращались лишь въ случаѣ крайней необходимости[4]). Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сборѣ чувствовалось нѣчто несогласное съ духомъ свободнаго гражданина, съ принципомъ свободной частной собственности, а потому въ Аттикѣ предложеніе взимать въ данномъ году эйсфору могло быть внесено не иначе, какъ по полученіи предварительно индемнитета (ἄδεια)[5]); слѣдовательно, налогъ разсматривался скорѣе какъ нѣчто запретное или даже преступное. Но тѣмъ не менѣе греческія государства были вынуждены прибѣгать къ этому источнику, и самыя условія обращенія къ этому источнику характерны и своеобразны для древняго міра. Тогдашнее государство не имѣло государственнаго кредита въ томъ видѣ, какъ это имѣетъ современное государство. Въ античномъ государствѣ невозможны частно-правовыя отношенія между государствомъ и гражданами: граждане юридически безпомощны по отношенію къ государству. Съ другой стороны, граждане прекрасно сознавали весь рискъ отъ ссудъ въ пользу государства: не только не было юридическихъ мѣръ, которыми обезпечивалась бы выплата долга, но и у греческихъ правителей не было обыкновенно даже желанія вернуть долга, и можно привести цѣлый рядъ безцеремонныхъ отказовъ въ выплатѣ государственныхъ долговъ (Діонисій, Мемнонъ и др.)[6]). Вотъ почему о добровольныхъ займахъ въ Греціи не приходится и говорить. Ссужали иногда зависимымъ государствамъ, или вліятельныя лица ссужали государству, на судьбы котораго они могли вліять. Словомъ, рѣчь можетъ итти только о принудительныхъ займахъ, которые по существу дѣла ничѣмъ не отличались отъ чрезвычайныхъ налоговъ; иногда это осуществлялось въ довольно искусной формѣ, напр., въ видѣ оттягиванія срока выплаты жалованья наемнымъ

---

[1]) Бузескулъ, Аѳинская демократія, стран. 394 сл.

[2]) Новѣйшее изслѣдованіе объ эйсфорѣ представляетъ собою подробная и тщательная работа проф. Francotte, Les finances des cités grecques, 1909; многое и у него основано лишь на догадкахъ, но иного рѣшенія и не можетъ быть, ибо дошедшія до насъ свѣдѣнія слишкомъ отрывочны.

[3]) Въ текстахъ самое слово «эйсфора» употребляется какъ техническій терминъ по общему правилу только для обложенія чрезвычайной податью, для обозначенія же постоянныхъ платежей за пользованіе общественной землей или союзныхъ взносовъ или платежей съ подчиненныхъ народовъ употребляется термины: *φόρος* и *σύνταξις*. Подробнѣе см. Francotte, 81 сл.

[4]) Meyer, Handw. d. Staatsw., III, 940.

[5]) G. Busolt, Griech. Staats- u. Rechtsaltertümer, 1892, S. 300, 264.

[6]) K. Riezler, Ueber Finanzen u. Monopole im alt. Griechenland 1907, S. 58.

войскамъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна одна финансовая операція, которая была продѣлана во второй половинѣ IV вѣка до Р. Хр. въ Клазоменахъ (одинъ изъ іонійскихъ городовъ западнаго берега Малой Азіи). Жители города задолжали 20 талантовъ наемнымъ войскамъ, но, не будучи въ состояніи выплатить долга, платили $^0/_0{}^0/_0$: $20^0/_0$—4 таланта въ годъ. Тогда Клазомены отчеканили изъ желѣза на 20 талантовъ монеты, признали за ней значеніе серебряной монеты (принудительный курсъ) и распредѣлили эту неполноцѣнную монету среди богатыхъ гражданъ, потребовавъ съ послѣднихъ уплаты одинаковой суммы, но въ серебряной монетѣ. Добытые этимъ путемъ 20 талантовъ серебромъ были вручены наемнымъ солдатамъ. А послѣ того Клазомены въ теченіе 5 лѣтъ стали обратно размѣнивать желѣзную монету на серебряную, употребляя на эту цѣль тѣ 4 таланта, которые прежде шли на $^0/_0{}^0/_0$ по долгу наемникамъ. Это дѣлалось такъ: всякій, кто предъявлялъ желѣзную монету, могъ обмѣнить $^1/_5$ часть находившейся у него суммы на серебро, и, слѣдовательно, черезъ 5 лѣтъ малоцѣнная монета была изъята изъ обращенія[1]). Это — весьма своеобразный пріемъ обращенія къ краткосрочному кредиту — особый видъ неотвержденнаго долга, какъ мы называемъ его въ наше время. Теперь государства выпускаютъ краткосрочныя обязательства или прибѣгаютъ къ выпуску бумажныхъ денегъ съ торжественной надписью, что бумажка равноцѣнна золоту или серебру, т.-е. съ принудительнымъ курсомъ, а тогда взамѣнъ бумажныхъ знаковъ выпустили желѣзные жетоны съ точно такою же торжественною надписью, что это равноцѣнно серебру. Но разъ кредитное дѣло было поставлено на столь шаткую почву, естественно должна была сказываться потребность въ чрезвычайныхъ принудительныхъ сборахъ. Въ наши времена, въ случаѣ возникновенія чрезвычайныхъ потребностей, напр., въ случаѣ войны или народныхъ бѣдствій, или единовременныхъ крупныхъ затратъ, парламенты тщательно взвѣшиваютъ вопросъ, какъ покрыть этотъ расходъ, займомъ или налогами. Налоги по самому существу дѣла призваны покрывать обыкновенные, т.-е. постоянно, изъ года въ годъ повторяющіеся расходы. На покрытіе чрезвычайныхъ или экстренныхъ расходовъ они не разсчитаны и не приспособлены: для этой цѣли служатъ займы, т.-е. государственный кредитъ. Но этого не было въ античномъ мірѣ, за отсутствіемъ государственнаго кредита, и чрезвычайные расходы приходилось покрывать налогами, которые въ годы исключительныхъ событій вздy-

[1]) Псевдо-Аристотелева Экономика, 11, 17, и Рицлеръ, 11.

вались до громадныхъ, совершенно невѣроятныхъ для нашего времени размѣровъ [1]). Если до насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что иногда эйсфоры были такъ высоки, что въ 5 или 10 лѣтъ пожирали все имущество гражданъ (значитъ, налогъ на капиталъ составлялъ 20 или 10%), то это, вѣроятно, преувеличеніе, но все же фактъ существованія чрезвычайно высокихъ ставокъ не подлежитъ никакому сомнѣнію... Пока государство и гражданинъ составляли одно цѣлое, связанное общими цѣлями и интересами, до тѣхъ поръ платежъ этихъ сборовъ или принудительныхъ займовъ — безразлично, какъ мы назовемъ ихъ — происходилъ безпрепятственно, ибо каждый гражданинъ видѣлъ въ спасеніи государства спасеніе самого себя [2]); но когда эта общность интересовъ и солидарность гражданъ исчезла, то возникла борьба между фискомъ и государствомъ: граждане стали прибѣгать ко всякимъ уловкамъ, чтобы скрыть свое имущество, а правители, въ родѣ Алкивіада, Мавзолія и другихъ, придумываютъ самые хитрые способы борьбы съ утайками [3]). Этотъ способъ взиманія принудительныхъ сборовъ едва ли можно отождествлять съ современной системой обложенія: налогъ въ античномъ мірѣ терпится какъ неизбѣжное зло, какъ нѣчто тираническое, преступное и даже недостойное свободнаго гражданина. Насколько вообще безпомощно древнее государство въ способахъ полученія государственнаго дохода и въ своихъ финансово-правовыхъ воззрѣніяхъ, превосходной иллюстраціей служатъ поучительныя въ этомъ отношеніи страницы Псевдо-Аристотелевой Экономики, кн. II, гдѣ приведены многочисленнѣйшіе примѣры различныхъ способовъ полученія государственнаго дохода въ разныхъ странахъ древняго міра. Эти примѣры иллюстрируютъ тотъ фактъ, что «финансовая наука» древности есть просто наука о тѣхъ хитроумныхъ, подчасъ явно безсовѣстныхъ способахъ, которыми въ порядкѣ частноправовыхъ отношеній присвоиваются въ пользу государства имущества жителей. И только сатрапы и покорители «взимаютъ» дань и налоги, тогда какъ въ «экономіи» свободнаго «государства» приходится ухищряться въ изобрѣтеніи болѣе или менѣе благовидныхъ предлоговъ для полученія нужныхъ государству средствъ. Какая патріархальная простота сказывается въ остроумномъ способѣ, изобрѣтенномъ лакедемонянами. Имъ предстояло собрать средства для жителей Самоса, поэтому они и постановили, что всѣ граждане съ семьями и рабами будутъ поститься

---

[1]) Рицлеръ, 67.
[2]) Тамъ же 67.
[3]) Тамъ же.

одинъ день; благодаря этому (т.-е. благодаря государству) всѣ съэкономятъ извѣстную сумму денегъ, которая и должна была поступить въ пользу государства [1]). Не характерно ли здѣсь то, что государство должно найти подобающій предлогъ для полученія средствъ и замаскировать «налоговую» операцію?

Но оказалось, что можно развить податную организацію и безъ того, чтобы были нарушены свободолюбивые принципы податного иммунитета для свободныхъ гражданъ. Какъ уже отмѣчалось выше, должности, особенно почетныя, исполнялись безвозмездно, и привлеченіе гражданина къ выполненію извѣстной должности или обязанности на общую пользу было оказаніемъ почета. Такъ, напр., богатыхъ людей,—въ болѣе раннія эпохи это были аристократы, которые разсматривали выполненіе извѣстной обязанности какъ почетное право,—приглашаютъ озаботиться объ исправномъ состояніи хора во время религіозныхъ празднествъ или театральныхъ представленій, или капиталистамъ предлагаютъ пожертвовать хлѣбъ, а взамѣнъ обѣщаютъ почести или ставятъ памятныя доски въ назиданіе потомству; эти заботы доходили и до снаряженія военныхъ кораблей. Возложеніе подобныхъ обязанностей или «литургій» практиковалось съ самыхъ раннихъ временъ. Конечно, сплошь и рядомъ литургія обременяла плательщика въ гораздо большой степени, чѣмъ самый высокій налогъ; нерѣдко на этой почвѣ происходила усиленная партійная борьба, и сводились личные счеты. Въ Аттикѣ, если кто считалъ, что его сосѣдъ богаче, а потому долженъ быть привлеченъ къ литургіи ранѣе него, могъ предложить помѣняться имуществомъ (antidosis), и споръ этого рода разрѣшался судебнымъ порядкомъ. Во времена упадка Греціи литургія получила еще большее распространеніе: какъ въ наше время среди богатыхъ классовъ нерѣдко созрѣваетъ сознаніе о необходимости широкихъ уступокъ въ пользу малоимущихъ слоевъ населенія, напр., проведеніе болѣе равномѣрнаго, прогрессивнаго обложенія, страхованія рабочихъ и т. д., чтобы предупредить взрывъ негодованія среди демократіи, такъ и въ тѣ времена богатые классы по аналогичнымъ соображеніямъ брали на себя литургіи, устраивая на свои средства преимущественно празднества и зрѣлища... Люди нерѣдко жертвуютъ меньшимъ, чтобъ удержать большее...

Таковы главнѣйшіе моменты древне-греческой финансовой системы. Она была несложна, но какъ вообще государственная жизнь глубоко проникала весь народный организмъ древней Гре-

---

[1]) Псевдо-Аристотелева Экономика, II, 10.

ціи, такъ и финансовая система играла выдающуюся роль [1]). Вычисляютъ, что изъ всего взрослаго населенія Аттики, т.-е. изъ приблизительно 55.000 человѣкъ, не менѣе 20.000 человѣкъ получали доходъ изъ государственной казны (въ Периклово время). Вспомнимъ, что въ эпоху наиполнѣйшаго развитія демократіи различныя должности стали оплачиваться, а вѣдь число постоянныхъ должностей въ Аѳинахъ было около 700, государственный совѣтъ насчитывалъ 500 человѣкъ, число судей доходило до 6000, кромѣ того воины, матросы и т. д., — и всѣ эти лица получали вознагражденіе [2]). Въ представленіи древняго грека государство должно приносить пользу каждому отдѣльному гражданину, — это стали доводить до крайности, такъ что вся экономическая жизнь стала направляться государствомъ, — и эта идея получаетъ буквальное осуществленіе не только въ массѣ жалованій, но и въ народныхъ празднествахъ и зрѣлищахъ. Со временъ Перикла гражданамъ стали выдавать деньги на посѣщеніе театра (ѳеорикон) въ размѣрѣ двухъ оболовъ (около 15 коп. по содержанію металла), т.-е. столько, сколько получалъ судья или членъ государственнаго совѣта за исполненіе должности. Впослѣдствіи же перестали даже откладывать излишки государственныхъ доходовъ надъ расходами въ запасный военный фондъ, а стали употреблять ихъ на выдачу театральныхъ денегъ, которыя сдѣлались однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ расходованія государства. Когда во время войны изъ-за Евбеи (IV вѣка) было сдѣлано предложеніе, чтобы излишки доходовъ были употреблены на военныя цѣли, а не на выдачу ѳеорикона, то это вызвало «обвиненіе въ противозаконіи», и лицо, внесшее предложеніе, присуждено къ уплатѣ 1 таланта. Евбулу приписываютъ законъ, по которому смертная казнь грозила тому, кто предложитъ употребить ѳеориконъ на войну, и послѣдній никогда еще не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ при Евбулѣ [3]). Широкая раздача ѳеорикона была мѣрой вовсе не столь безразсудной, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ: она замѣняла собою плату на поддержку страшно развившейся бѣдноты [4]) и знаменовала собою не столько безразсудность греческихъ правителей, сколько экономическое разложеніе Аттики: съ одной стороны, — немногіе колос-

---

[1]) Ср. H. Francotte, Les finances des cités grecques, 1909, p. 298.

[2]) Ср. В. Бузескулъ, Исторія аѳинской демократіи, 1909, стран. 162 сл., и Cavaignac, Hist., 54.

[3]) Бузескулъ, Аѳинская демократія, стран. 409.

[4]) Надо имѣть въ виду своеобразную точку зрѣнія древнихъ грековъ, согласно которой гражданамъ принадлежитъ право на участіе въ доходахъ государства. Ср. M. Rostowzew, Römische Bleitesserae, 20.

сально богатые люди, а съ другой — масса черни, обреченной на поддержку государства. Такая экономическая организація не могла продлиться долго: въ ней нѣтъ экономически производительнаго элемента населенія, въ ней преобладаютъ паразиты какъ на сторонѣ богачей, такъ и на сторонѣ черни. Отсюда разложеніе всей государственной и соціальной жизни, отсюда и паденіе Греціи при натискѣ другихъ народностей и съ востока, и съ сѣвера, и съ запада.

Римъ (до-императорская эпоха).

Важную роль въ финансовой системѣ Рима играли государственныя имущества: ager publicus populi Romani давалъ во времена республики главный доходъ римскому государству [1]); за пользованіе общественнымъ выгономъ граждане платили опредѣленную сумму, смотря по числу скота, высылавшагося на выгонъ; для этого граждане должны были заявить о числѣ пасущагося скота для записи, почему и самый сборъ получилъ названіе scriptura. Кромѣ того, взимались деньги за пользованіе со стороны торговцевъ рынками и пристанями; это положило начало, между прочимъ, взиманію таможенной пошлины въ видѣ платежей за причаливаніе и т. д. Такимъ образомъ, финансовое хозяйство древняго Рима носитъ частнохозяйственный характеръ. Во времена исключительной нужды, напр. въ случаѣ возникновенія войны, прибѣгали къ трибуту (tributum). Это былъ, если употребить современное, но для того времени страшное или даже, скорѣе, непонятное выраженіе, общеимущественный налогъ. Мы вообще склонны модернизировать понятія старины и приписывать древности такія понятія, какія ей чужды. Въ экономическомъ смыслѣ трибутъ, безъ сомнѣнія, представлялъ собою общеимущественный налогъ, но въ правовомъ смыслѣ и въ народномъ сознаніи это было нѣчто иное. Только безысходная нужда могла заставить приступить къ подобному акту, когда приходилось руководствоваться принципомъ: salus reipublicae suprema lex esto.

Посмотримъ, какъ возникъ трибутъ, и каковы его характерныя черты. Утверждаютъ, что въ глубокой древности онъ представлялъ собою подушную подать. Въ экономическомъ отношеніи такой сборъ правдоподобенъ, но въ государственномъ и соціальномъ отношеніи мы должны охарактеризовать его нѣсколько иначе. Какъ мы знаемъ уже изъ древне-греческой финансовой

[1]) М. Ростовцевъ, Исторія государственнаго откупа, 1899, стран. 114.

исторіи, — она во многомъ аналогична римской, — свободные народы древности не имѣли принудительной налоговой системы. И безъ сомнѣнія, съ такъ наз. подушной податью древнихъ римлянъ обстояло дѣло не иначе, чѣмъ съ древне-греческой эйсфорой, которыя первоначально раскладывалась поровну на каждаго гражданина. То же самое, вѣроятно, было и съ римскимъ подушнымъ сборомъ. Вѣдь откуда-нибудь взять средства на веденіе общей цѣли надо, и, естественно, сборъ ихъ распредѣляли поголовно между гражданами, такъ какъ въ древнѣйшія эпохи римляне должны были разсчитывать на однихъ лишь самихъ себя и не имѣли покоренныхъ народовъ, съ которыхъ они могли бы сорвать ту или иную дань. Но позднѣе трибутъ пріобрѣтаетъ въ экономическомъ смыслѣ характеръ общеимущественнаго налога. Говорятъ, что это произошло уже со временъ Сервія Туллія [1]).

Трибутъ находится въ тѣсной связи съ цензомъ. Какъ извѣстно, въ древнемъ Римѣ издавна составлялись личные и имущественные списки гражданъ съ цѣлью опредѣленія военно-служебныхъ обязанностей ихъ и имущественнаго положенія. Каждый полноправный гражданинъ былъ обязанъ подъ присягой сдѣлать заявленіе о своемъ имени, возрастѣ, мѣстожительствѣ и своемъ отношеніи къ военной службѣ и, наконецъ, о своемъ имущественномъ положеніи. Цѣлью ценза было опредѣленіе лицъ, обязанныхъ военной службой, и имущественнаго положенія отдѣльныхъ гражданъ, такъ какъ имущественной состоятельностью гражданъ опредѣлялось ихъ политическое положеніе, ихъ права и обязанности по отношенію къ государству. Въ зависимости отъ того, въ какую имущественную группу занесенъ гражданинъ, опредѣлялось и его право на голосованіе въ той или иной центуріи, а также и его положеніе въ войскѣ.

---

[1]) Prof. P. Guiraud, Etudes écon. l'antiquité, 1905, p. 161, рѣшительно утверждаетъ, что трибутъ возникъ гораздо позднѣе и даже позднѣе 406 года до Р. Хр., къ каковому сроку обычно пріурочиваютъ возникновеніе трибута. По мнѣнію этого ученаго, трибутъ могъ возникнуть лишь съ того момента, когда государство рѣшило содержать войско на свой счетъ, а между тѣмъ источники долгое время говорятъ о томъ, что воины содержатся на собственный счетъ. Во всякомъ случаѣ, трибутъ былъ налогомъ по чрезвычайнымъ поводамъ (обычно, на покрытіе расходовъ по войнамъ) и вызывался тѣмъ, что римляне не имѣли правильно организованнаго государственнаго кредита. При наличности достаточныхъ средствъ отъ государственныхъ имуществъ или военныхъ доходовъ (добычи и т. д.) трибутъ не взимался. Съ 167 года до Р. Хр. трибутъ съ римскихъ гражданъ болѣе не взимался въ виду излишка доходовъ. Подробнѣе см. Marquardt, Staatsverw., 2 Aufl., II, 178. Нѣкоторые авторитетные изслѣдователи указываютъ, что трибутъ вообще былъ суррогатомъ займовъ, которые выплачивались обратно изъ военной добычи. Ср. Livius, VI, 14 (12) и XXXIX, 7.

Кто не являлся безъ уважительныхъ причинъ на вызовъ цензора, тотъ не подлежалъ какому-либо штрафу или судебному или административному взысканію, а разсматривался какъ лицо, лишенное всякаго имущества, какъ банкротъ, какъ человѣкъ, не способный выполнять какихъ-либо обязанностей предъ государствомъ, слѣдовательно, какъ человѣкъ, не могущій имѣть правъ; неудивительно, если такой incensus лишался имущества, фактически находившагося въ его владѣніи, а также свободы и даже жизни, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшія эпохи. Но самъ цензоръ не могъ примѣнять никакихъ принудительныхъ мѣръ по отношенію къ неявившемуся (залогъ имущества, приводъ и т. д.)[1]). Граждане, обладавшіе имуществомъ менѣе 1500 ассовъ, освобождались отъ трибута[2]). Однако такой экзистенцминимумъ выражалъ своеобразную точку зрѣнія древнихъ народовъ, что къ обложенію можно привлекать только имущество, а никакъ не личность свободнаго человѣка; въ данномъ случаѣ имущество было слишкомъ ничтожно, чтобы брать съ него трибутъ, но обложить работоспособную личность — взимать, напр., вполнѣ естественный, казалось бы, для древняго міра подушный сборъ — было невозможно[3]). Съ другой стороны, римскій трибутъ не знаетъ личныхъ изъятій, такъ какъ личность онъ не облагаетъ. Поэтому попытка жрецовъ устраниться отъ платежа трибута не удалась[4]). Весь цензъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ военной организаціей и потребностями военнаго набора: призывъ къ явкѣ къ цензору прямо обращался къ «armati», т.-е. къ вооруженнымъ; во время ценза, особенно въ раннія эпохи, цензоръ удостовѣрялся въ надлежащемъ количествѣ и въ хорошемъ состояніи оружія у каждаго гражданина; по окончаніи ценза народъ возвращался какъ exercitus, въ полномъ вооруженіи. Но позднѣе чисто военнотехническія задачи ценза отступили на второй планъ, а на первый планъ выступилъ коррелатъ военной службы — имущественная оцѣнка. Во-первыхъ, съ имущественнымъ цензомъ связаны были политическія права, именно, право подачи голоса въ томъ или иномъ классѣ гражданъ, а при возрастаніи политической жизни эта сторона дѣла пріобрѣтала важное значеніе. А во-вторыхъ, опись имуществъ пріобрѣтала тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе развивалась завоевательная политика римлянъ и ихъ финансовая нужда. Но крайне характерно то

[1]) Mommsen, Th., Römisches Staatsrecht, 3 Aufl., 1887, II, пр. 367.
[2]) Jbid., III, 237.
[3]) Ср. Fr. Leo, Die Capitatio plebeia u. die Capitatio humana, Berlin, 1900, S. 19.
[4]) См. Mommsen, Staatsrecht, III, 239, и Ливій, 33, 42.

обстоятельство, что трибутъ принципіально отличается отъ современныхъ налоговъ въ юридическомъ и соціальномъ смыслѣ. Какъ доказываетъ одинъ спеціальный изслѣдователь римской финансовой системы, Маттіасъ, трибутъ былъ институтомъ не столько государственноправового характера, сколько институтомъ частноправового характера[1]). Элементъ принужденія былъ, конечно, во взысканіи трибута[2]), но принужденіе это вытекало изъ понятій частноправовыхъ. Дѣло въ томъ, что когда гражданинъ предъ цензоромъ декларировалъ свое имущество, то это признавалось равносильнымъ торжественному обѣщанію отдать ту или иную часть своего имущества на нужды государства, когда послѣднее того потребуетъ. Это была обязательственная сдѣлка. Словомъ, въ трибутѣ мы находимъ черты частноправового порядка, черты обязательственнаго права, и граждане, платя трибутъ, платили только то, къ чему они обязались, къ чему ихъ обязываетъ частное гражданское право. Далѣе, трибутъ былъ сборомъ чрезвычайнаго характера; и въ этомъ отношеніи весьма знаменательно то, что взиманіе трибута не сдавалось на откупъ, какъ это практиковалось по отношенію ко всѣмъ другимъ нормальнымъ и постояннымъ рессурсамъ государства. Да и вообще, въ древнемъ мірѣ не было финансоваго права, т.-е. тогда не знали податного распорядка въ современномъ смыслѣ. Тогда знали финансовое насиліе, практиковавшееся по отношенію къ покореннымъ народамъ[3]). Такое фи-

---

[1]) B. Matthiass, Die römische Grundsteuer und das Vectigalrecht, Erlangen, 1882, S. 29 u. f.

[2]) У Т. Ливія, V, 12, указывается, что народъ можетъ однако воспротивиться платежу трибута и призвать на помощь народныхъ трибуновъ.

[3]) Не даромъ іудеи съ такой исключительной ненавистью смотрѣли на сборщиковъ податей; какъ избранный, священный народъ, іудеи не могутъ платить дани никому другому, кромѣ Іеговы, т.-е. храму и первосвященнику. И неудивительно, если сборщики налоговъ вызываютъ ненависть, вѣдь это — люди, которые изъ-за выгодъ земныхъ, а можетъ-быть, и подъ давленіемъ свыше, забываютъ законъ и помогаютъ чужеземцу собирать вещественный знакъ рабства — подати, да еще и монетой съ изображеніемъ императора. М. Ростовцевъ, Исторія государственнаго откупа 1899, стран. 247; но цитируемое имъ мѣсто: Второзаконіе 23, 18 (надо 17), имѣющееся только въ греческомъ текстѣ 70-ти (*οὐκ ἔσται τελεσφόροι ἀπὸ θυγατέρων Ἰσραήλ, καὶ οὐκ ἔσται τελισκόμενος ἀπὸ υἱῶν Ἰσραήλ*) не можетъ служить подтвержденіемъ, ибо въ этомъ текстѣ говорится только о воспрещеніи блуда и платы за него (именно въ храмахъ, какъ это допускалъ хананскій и финикійскій культъ, ср. S. R. Driver, Deuteronomy, 1895, стран. 264), а никакъ не объ общемъ запрещеніи платежа налоговъ. Указаніе на Tertullianus, de puducit. 9, ссылающагося на то же мѣсто, также ничего не говоритъ. Умѣстнѣе скорѣе ссылка на Tertul., Apologet., 13: sed enim agri tributo onusti viliores, heminum capita stipendio censa ignobiliora; nam hae sunt notae captivitatis, а главнымъ образомъ характерно преданіе у Матѳ., 17, 25 сл.: «Іисусъ сказалъ: какъ тебѣ кажется, Симонъ, цари земные съ кого берутъ пошлины или подати? съ сыновъ ли своихъ, или съ постороннихъ? Петръ

нансовое насиліе возникло въ императорскій періодъ и по отношенію къ кореннымъ римскимъ гражданамъ, но вѣдь въ эту эпоху императоры обращались съ населеніемъ какъ съ порабощеннымъ народомъ, а отсюда и неудивительно преобладаніе системы финансоваго насилія.

Но скажутъ мнѣ, какъ это совмѣстимо, когда я говорю, что древніе народы не знали финансоваго права, съ тѣмъ, что намъ извѣстно о древнемъ Египтѣ.

Египетъ.

Финансовая организація древняго Египта поистинѣ изумительна: здѣсь существуютъ самые разнобразные и причудливые налоги, косвенные и прямые, налоги, взимаемые въ формѣ монополій и регалій; финансовая администрація доведена въ Египтѣ до высокой ступени совершенства, и фараонъ располагаетъ колоссальнымъ богатствомъ [1]). Однако нельзя забывать особенностей египетской государственной жизни, забывать крайняго детизма фараоновой власти. Въ древнемъ Египтѣ все принадлежало фараону — одинаково, люди и вещи, всѣ его подданные — просто рабы, вся земля принадлежитъ ему, вся торговля и вся индустрія сосредоточена въ его рукахъ [2]). Ни время, ни революціи, ни завоеванія ни въ чемъ не измѣнили этихъ правъ. Столь чудовищный ригоризмъ былъ отчасти необходимъ въ силу особыхъ условій египетской жизни, гдѣ малѣйшее промедленіе въ регулированіи разлива Нила грозило величайшими опасностями для всего общества и могло повлечь за собою недородъ и голодъ [3]). Когда Египтомъ завладѣли послѣ персовъ греки и на египетскомъ престолѣ утвердились Лагиды (это — потомки Птоломея послѣ раздѣла монархіи Александра Македонскаго), то они ни въ чемъ не поступились въ своей неограниченной и деспотической власти. Почти половина всей территоріи находится въ частной собственности Птоломеевъ; почти вся безъ исключенія торговля и индустрія принадлежала имъ; растительныя масла, пиво, соль, — эти

говоритъ Ему: съ постороннихъ. Іисусъ сказалъ ему: и такъ сыны свободны». Правда, въ богословской литературѣ идетъ споръ о томъ, по поводу какого именно налога Іисусъ сдѣлалъ свое замѣчаніе (см. Lange, J. P. Commentary on St. Matthew, 1861, II, 160 сл., или R. Stier, Words of Jesus, II, 386, въ Clark's For. theol. libr.), но насъ интересуетъ лишь общій взглядъ на право обложенія въ ту эпоху.

[1]) Ср. Revenue laws of Ptolemy, ed. by Grenfell, introduct. XXVII.

[2]) H. Maspero, Les finances de l'Egypte sous les Lagides, 1905, p. 49.

[3]) Ср. M. Magnien, Quelques reçus d'impôts agricoles. Thèse d'école de Louvre, P., 1902, p. 18.

первостепенные предметы мѣстнаго потребленія, — и особенно зерновые хлѣба, вино, медъ, драгоцѣнныя одѣянія, т.-е. тѣ предметы, которые въ большихъ количествахъ экспортировались за границу, были монополизированы государемъ, лишь онъ одинъ могъ торговать этими предметами[1]). Такимъ образомъ, въ рукахъ египетскаго царя сосредоточивается монополія земли (земли, не находившіяся въ его частной собственности, были въ рукахъ клира или розданы въ пользованіе приближеннымъ, — земель въ частной собственности не было совершенно)[2]) и монополія торговли и промышленности. Организація монополій прямо изумительна, напр.: частнымъ лицамъ было воспрещено производство растительнаго масла; никто не имѣлъ права держать у себя на дому пресса или ступки, которые могли бы служить для выжимки масла. Всякій домъ могъ быть обысканъ, если въ немъ подозрѣвалось существованіе контрабаднаго масла или выжимныхъ машинъ[3]). Ввозъ иностраннаго масла былъ обложенъ, да и вообще допускался не иначе, какъ для личнаго употребленія[4]). Храмы могли выжимать масло для собственнаго употребленія сами, но за ними слѣдили царскіе чиновники, которые описывали инструменты и составляли вѣдомость необходимаго для храма количества масла[5]). Интересно, что египетскій клиръ захватилъ въ свои руки громадную массу колоссальнаго дохода фараоновъ. Но съ теченіемъ времени наблюдается обратное теченіе: попытки свѣтскихъ государей отобрать эти источники, и такой процессъ совершается задолго до появленія Птоломеевъ. Болѣе счастливые изъ солдатъ, которымъ удавалось захватить тронъ, систематически отбирали у храмовъ ихъ богатства; послѣдующіе узурпаторы пытались привлечь на свою сторону вліятельныхъ жрецовъ, возвращая утраченные ими доходы; упрочившіяся же династіи опять рѣшительно ограбляли представителей клира, опасаясь чрезмѣрнаго вліянія послѣдняго. Первый Птоломей удовлетворилъ притязанія духовенства на громадные доходы въ Дельтѣ, — доходы, пожалованные клиру предыдущимъ узурпаторомъ. Наоборотъ, при второмъ Птоломеѣ въ 23-мъ (или 22-мъ?) году (263/2 до Р. Хр.) его царствованія царица, подъ

---

[1]) Maspero, 50.

[2]) Тамъ же, 28, ср. M. Rostowzew, Zur Geschichte des Römischen Kolonats, 1910, S. 79: «вся земля Египта либо *βασιλική*, либо *ἐν ἀφέσει*. Эта формула совершенно исключаетъ частную собственность».

[3]) См. интересныя подробности о масляной и соляной монополіи у Ростовцева, Исторія гос. откупа, 101.

[4]) Ср., впрочемъ, Petri papyri, въ Cun. Mem. XI, 1905, № 47 и 75.

[5]) Подробности контроля см. въ Revenue Laws ed. Grenfell и у Ростовцева, Исторія гос. откупа.

предлогомъ ея обожествленія, потребовала въ свою пользу шестую часть дохода отъ всѣхъ виноградниковъ и садовъ въ Египтѣ, т.-е. ту самую шестую, которая до сего времени шла египетскимъ богамъ (повидимому, земледѣльцы платили эту подать ближайшему храму — теперь же она должна была поступать въ казну[1]). Поразительно, такимъ образомъ, что и въ древнемъ Египтѣ финансовыя учрежденія духовенства, предназначенныя служить цѣлямъ религіознаго культа, вызываютъ зависть со стороны свѣтскихъ монарховъ и въ концѣ концовъ узурпируются послѣдними[2])...

Что же касается собственно налоговъ въ древнемъ Египтѣ, то удивительнымъ образомъ среди безконечнаго множества прямыхъ налоговъ (см. ниже) мы не находимъ подушнаго или личнаго обложенія, по крайней мѣрѣ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о подобномъ обложеніи ранѣе временъ римскаго владычества. Хотя крайній деспотизмъ Лагидовъ, можно сказать, предраспологалъ ко введенію подушной подати, однако въ опубликованныхъ до сихъ поръ источникахъ имѣется, насколько мнѣ извѣстно, лишь 2—3 туманныхъ текста, которые, повидимому, позволяютъ сдѣлать догадку, что и въ эпоху Птоломеевъ взимался подушный налогъ. Сильно фрагментованный и недостаточно расшифрованный текстъ Tebt. pap. ed. Grenfell, № 95, отъ конца II вѣка до Р. Хр. говоритъ о *ὑπερ σω* (.?..), что, вѣроятно, означаетъ *ὑπὲρ σωματικοῦ*, т.-е. подушный налогъ. Далѣе, въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ Petrie papyri проф. Mahaffy[3]) категорически утверждаетъ contra Wilcken (Ostraca, I, 245) о существованіи подушнаго налога въ Египтѣ, во всякомъ случаѣ ранѣе 61 года до Р. Хр. (т.-е. до римскаго владычества), а можетъ быть, даже въ началѣ II вѣка до Р. Хр.[4]). Но на основаніи столь скудныхъ свѣдѣній совершенно невоз-

---

[1]) Revenue laws of Ptolemy ed. by Grenfell, introd. 29. Ср. Wilcken, Ostr., I, 157 сл.

[2]) Правда, новѣйшій изслѣдователь W. Otto, Priester u. Tempel, 1905, I, 343 сл. (равно какъ и Wilcken, Ostr., 615, пр. 1), оспариваетъ намѣреніе «ограбить» въ этомъ актѣ Филадельфа, такъ какъ онъ одновременно богато одарилъ представителей культа. И я не рѣшаюсь говорить о «грабительскихъ инстинктахъ» второго Птоломея въ данномъ случаѣ, ибо получаемые доходы употреблялись на нужды реформированнаго культа, но весьмо характерно присвоеніе именно податнаго источника, такъ какъ этотъ налогъ въ пользу храмовъ, распространявшійся на весь Египетъ, давно былъ, по выраженію того же Отто, просто бѣльмомъ въ глазу египетскихъ царей. Во время римскаго владычества названный налогъ поступалъ, повидимому, цѣликомъ въ римскую казну.

[3]) Royal Irisch Academy, Cunningham Memoirs, XI, 1905, p. 174.

[4]) См. также податной списокъ *λαογραφία* въ Tebt. pap., № 103, относимый Гренфеллемъ къ 61 или 94 году до Р. Хр.; и ср. Wilcken, Ostr., I, 436.

можно подойти къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса. Если однако дальнѣйшія изслѣдованія установятъ существованіе подушнаго обложенія какъ *постояннаго* учрежденія при Птоломеяхъ, то мы вмѣстѣ съ Вилькеномъ и Масперо должны будемъ признать поразительно страннымъ фактъ, что до насъ дошли документы о взиманіи подушнаго налога въ Египтѣ чуть ли не отъ каждаго года за все время римскаго владычества, начиная съ Августа, и совершенно не дошло свѣдѣній отъ болѣе ранняго времени...

Но какъ бы то ни было, для до-Птоломеевой эпохи древнѣйшіе анналы египетскихъ фараоновъ ясно и категорически говорятъ о какихъ-то, повидимому, періодическихъ переписяхъ, въ которыхъ едва ли можно видѣть что-либо иное, чѣмъ переписи съ податными цѣлями. Я имѣю въ виду изданный въ послѣдній разъ египтологомъ Шеферомъ[1]) переводъ анналовъ египетскихъ царей первыхъ династій (т.-е. около 3500—4000 лѣтъ или 2600—2900 по другому исчисленію до Р. Хр.). Въ этихъ анналахъ перечисляются отдѣльные цари, время ихъ царствованія, главныя событія и высота Нила. Начиная съ царя Нетерима почти регулярно черезъ годъ іероглифы говорятъ: «въ первый разъ перепись», «во второй разъ перепись» и т. д. (перечень: въ первый разъ и т. д. начинается сызнова послѣ воцаренія каждаго новаго фараона). «Переписи» повторяются разъ въ два года настолько регулярно, что можно возстановить число лѣтъ царствованія даннаго фараона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ текстъ испорченъ. Зато имѣются и значительные пропуски, т.-е., повидимому, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ «переписи» совсѣмъ не было. Въ двухъ мѣстахъ говорится: «въ седьмой (дальше: восьмой) разъ перепись (и именно) золота и земель». Въ царствованіе царя Везеркафа (пятой династіи около 3721—3693 гг. до Р. Хр.[2]) лѣтопись отмѣчаетъ: «въ третій разъ перепись скота». Въ одномъ мѣстѣ говорится: «въ третій разъ нахожденія...?—годъ послѣ второй переписи» (аналогично и въ другомъ мѣстѣ, но текстъ разрушенъ). Въ одномъ случаѣ переписи происходитъ два года подъ рядъ, именно, въ 14-мъ и 15-мъ году царствованія царя Снерфу: «въ седьмой разъ перепись» и дальше, подъ слѣдующимъ годомъ: «въ восьмой разъ перепись». Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ (ранѣе, чѣмъ первое упоминаніе о переписи при Нетеримѣ) въ царствованіе царя V.

---

[1]) H. Schäfer, Ein Bruchstück altägyptisher Annalen въ Anhang къ Abhandl. d. K. Pr. Akademie der Wissenschaften, 1902; см. также переводъ Breasted'a въ его Ancient Records of Egypt, I, 76 сл.

[2]) По Petrie, History of Egypt, I, 68.

(имя утрачено) подъ 22-мъ(?) годомъ говорится: «...(перепись?) всѣхъ людей запада, сѣвера, востока». — Надпись прерывается на Нефериркересѣ, т.-е., приблизительно, на 3680 году[1]).

Относительно того, что̀ представляли изъ себя эти «переписи» могутъ, конечно, быть только догадки. «Переписи», несомнѣнно, преслѣдовали податныя цѣли, но есть полное основаніе думать, что рѣчь идетъ о чрезвычайномъ обложеніи. По удачному замѣчанію одного ученаго, въ древнемъ мірѣ упоминанія о податяхъ встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ становятся притѣснительными и нарушаютъ обычный ходъ вещей. Поэтому отсутствіе свѣдѣній о налогахъ не можетъ быть непремѣнно истолковываемо, какъ доказательство полнаго отсутствія ихъ въ данную эпоху. Наоборотъ, спеціальное упоминаніе о наложеніи той или иной подати скорѣе говоритъ въ пользу исключительнаго, экстраординарнаго характера данной податной мѣры. Не иначе, вѣроятно, обстояло дѣло и съ древне-египетскими «переписями». Если лѣтопись, столь скудная на свѣдѣнія и отмѣчающая лишь исключительно важныя событія, регулярно упоминаетъ о переписяхъ, то рѣчь идетъ, очевидно, объ исключительномъ и изъ ряда вонъ выходящемъ событіи. Было бы довольно абсурдно думать, что упоминаемыя здѣсь «переписи», дѣйствительно, представляли собою новые кадастры или пересмотръ стараго, — пересмотръ, который яко бы повторялся каждые два года. Не нужно быть спеціалистомъ податного дѣла, чтобы признать техническую невозможность и финансовую несообразность подобной операціи. Единственное, о чемъ можетъ итти рѣчь, такъ только о томъ, что «переписи» просто означали собою фактъ наложенія подати. Если въ эпоху римскаго владычества надъ Египтомъ для подушнаго обложенія употребляется странный и необычный терминъ *λαογραφία* (вмѣсто *ἐπικεφάλαιον*; ср. Wilcken, Ostr., I, 244), то, быть-можетъ, въ этомъ сказывается греческій переводъ стариннаго египетскаго понятія «переписи», т.-е. того самаго понятія, которымъ обозначалось взиманіе всеобщей подати. Во всякомъ случаѣ, анналы ясно говорятъ, что обложеніе принимало во вниманіе количество скота и движимости («золота»),

---

[1]) Позднѣйшіе источники о «переписяхъ» пятой и послѣдующихъ династій см. въ цитированной выше коллекціи Breasted'a. Впослѣдствіи хронологія царствованій приспособляется къ годамъ переписей; такъ, 24-й годъ царствованія Кафра (около 3845 г. до Р. Хр.) есть годъ «двѣнадцатой переписи крупнаго и мелкаго скота» (Breasted, Records, I, 192: ср. ib. I, 267 и др., перечисл. тамъ въ алфавитномъ указателѣ sub v. «Numbering»), но позднѣе анналы болѣе не пользуются переписями, какъ отправнымъ пунктомъ датированія.

т.-е. имущественную состоятельность или налогоспособность жителей по современной фразеологіи; быть-можетъ, самое раннее упоминаніе подъ 22-мъ годомъ царя V. (см. выше) означало просто подушное обложеніе, хотя, вѣроятно, уже и тогда принимали во вниманіе налогоспособность. Нѣтъ основанія думать, что эти «переписи» носили характеръ инвентаризаціи доменіальныхъ владѣній фараона: было бы странно производить ихъ столь часто или, съ другой стороны, получать доходы отъ доменовъ лишь разъ въ два года и заносить столь простой фактъ въ анналы на память потомству и даже начинать лѣтоисчисленіе съ инвентарей фараоновыхъ доменовъ! Правда, болѣе поздніе памятники употребляютъ весьма аналогичныя выраженія («взимать», «собирать», «переписывать» и т. д.) тамъ, гдѣ, насколько я могу судить, рѣчь, повидимому, идетъ объ управленіи царскими доменами и доходами съ нихъ[1]). Между тѣмъ то, что говорятъ цитированные выше анналы, носитъ совсѣмъ иной характеръ. Всеобщее поголовно-поимущественное обложеніе, о которомъ они говорятъ, все-таки носитъ экстраординарный характеръ. Можно, впрочемъ, истолковать двухлѣтній промежутокъ между «переписями» также и тѣмъ, что собрать такую подать едва ли успѣвали въ годичный срокъ, такъ какъ это требовало при господствѣ натуральнаго хозяйства чрезвычайно продолжительной операціи. Все же Снефру, воинственный и предпріимчивый фараонъ[2]), ухитрился собрать подать два года подъ рядъ. Другіе фараоны средняго царства иногда не взимали ея много лѣтъ подъ рядъ. Взималась ли она позднѣе, этого вопроса на основаніи одного факта умолчанія въ памятникахъ рѣшить нельзя. Конечно, среди народа, пережившаго много тяжелыхъ испытаній извнѣ и внутри страны, частое и продолжительное взиманіе этой въ принципѣ чрезвычайной подати вполнѣ естественно. Вѣдь и римляне, и другіе народы древности не были избавлены отъ такой экстраординарной подати въ теченіе весьма долгаго времени. Обычно считаютъ, что тѣ списки, которые дошли до насъ въ изданныхъ Griffith'омъ Kahun papyri, IX и X, представляютъ собою фрагментъ податныхъ списковъ въ продолженіе старыхъ двугодичныхъ «переписей», о которыхъ рѣчь была

---

[1]) См. въ коллекціи памятниковъ Breasted'a, I, 320, 522 сл., 408; ср., между прочимъ, несомнѣнно, частноправовые платежи, переводимые однако нерѣдко словомъ «налогъ» и «подать» и т. п. у Revillout, Notice des papyrus démotiques, 1896, p. 369; Griffith, Catalogue of the Demotic papyri, 1909, III, перед. на стран. 35 и стран. 78, строк. 6 и т. д.; ср. также Ed. Meyer, Geschichte des alten Aegyptens, изд. Oncken, 1887, S. 68.

[2]) См. Breasted. History of Egypt, 1909, 114 сл.

выше. Въ Кахунскихъ папирусахъ, IX и X (стр. 19 сл.; эпохи Секхерме, т.-е. фараона XIII династій, около 2560 или около 1788 г. по др. исчисл.) дается перечень членовъ семейства двухъ солдатъ (отца и сына) и ихъ рабовъ; какихъ-либо прямыхъ указаній на ихъ имущественное положеніе нѣтъ. Употребленіе подобныхъ списковъ для податныхъ цѣлей весьма вѣроятно, хотя я склоненъ думать, что составленіе такихъ цензовъ преслѣдовало, повидимому, прежде всего какія-нибудь чисто административныя цѣли. Во всякомъ случаѣ, центръ тяжести папируса IX лежитъ въ регистраціи факта подачи присяги (на вѣрность? по предположенію Griffith'a[1]), но послѣднія строки папируса фрагментованы и не могутъ быть возстановлены. Если же принять во вниманіе, что дѣло идетъ о солдатахъ, что присяга дается въ самомъ началѣ царствованія новой династіи, что въ Кахунѣ въ это время происходило постройка пирамидъ, требовавшая участія солдатъ и жрецовъ, то пожалуй, будетъ нѣсколько опрометчиво безъ всякихъ оговорокъ считать этотъ папирусъ простымъ отрывкомъ изъ податного ценза (т.-е. для чисто подушнаго обложенія? слѣдовательно, ухудшеніе сравнительно съ тѣмъ, что практиковалось въ эпоху V династіи?). Что же касается папируса X, то и въ этомъ обширномъ перечнѣ членовъ семейства и рабовъ съ ихъ семьями (перечислены сыновья и дочери и прочіе родственники) такъ же рѣшительно отмѣчается фактъ присяги. Послѣдняя, конечно, могла составить неизбѣжную часть и податного кадастра (какъ мы это можемъ заключить изъ опыта послѣдующихъ временъ), однако въ данномъ случаѣ, повидимому, присяга носила какой-то особый характеръ (на вѣрность?). Египтологъ Борхардъ склоненъ даже принять догадку, что «цензы», занесенные въ эти папирусы, совершались каждыя 14 лѣтъ (въ папирусахъ, дѣйствительно, имѣются двѣ даты, отстоящія другъ отъ друга на протяженіи 14 лѣтъ), т.-е. въ такіе же сроки, какіе были впослѣдствіи приняты для римскаго подушнаго обложенія (*λαογραφία*) въ Египтѣ. Однако «переписи» могли регулярно совершаться и для неподатныхъ цѣлей, по крайней

---

[1]) Присяга могла имѣть особое значеніе для карьеры солдата; не даромъ въ своей надгробной надписи знатный вельможа Сехетепибръ въ царствованіе Аменемхета III (кон. XII дин.) завѣщаетъ своимъ дѣтямъ: «Сражайтесь во славу его (царя) имени, очищайте себя его присягой, и вы будете свободны отъ заботъ» (Breasted, Records, I, 748). Съ другой же стороны, подушное обложеніе, съ точки зрѣнія техники взиманія, не требовало вовсе подкрѣпленія показаній, подъ присягой; вѣдь даже въ подушномъ обложеніи въ Египтѣ въ эпоху римскаго владычества присяга обычно отсутствуетъ. Ср. Wenger, Der Eid in den griechischen Papyrusurkunden, Zeitschr. d. Sav. Stift. R. Abt., XXIII, 187.

мѣрѣ прямая и непосредственная цѣль ихъ могла быть и не фискальная. Что же касается папирусовъ XXI и XVI, дающихъ перечень скота и земель, то они мало напоминаютъ государственный податной цензъ, и въ лучшемъ случаѣ являются отчетомъ объ управленіи доменами, отданными въ пользованіе различнымъ лицамъ.

Итакъ, если я не рѣшаюсь на основаніи приведенныхъ выше папирусовъ заключать о существованіи поголовно-поимущественнаго обложенія, какъ постояннаго института, въ Египтѣ въ эпоху XII—XIII династій, то объ отсутствіи подушнаго обложенія въ послѣдующее время можно догадываться изъ Псевдо-Аристотелевой Экономики, II, 25, гдѣ сообщается, что хитрый аѳинянинъ Хабрій посовѣтовалъ египетскому царю Таю (XXX династіи, т.-е. въ IV вѣкѣ до Р. Хр.) ввести на ряду съ другими налогами также и подушный налогъ (*ἀπὸ τοῦ σώματος ὡσαύτως*), такъ какъ предстояли крупные расходы по войнѣ съ персами. Общее впечатлѣніе отъ этого разсказа таково, что подушный налогъ разсматривается какъ исключительная и какъ вполнѣ новая мѣра.

На основаніи вышеизложеннаго, приходится, повидимому, признать, что въ дневнемъ Египтѣ до римскаго владычества подушнаго или поголовно-поимущественнаго обложенія, какъ постояннаго и регулярнаго учрежденія, вѣроятно, не было[1]). Въ Египтѣ взимались за то разнообразнѣйшіе поземельные сборы съ обрабатывателей земель, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ той или иной части жатвы, но это вполнѣ естественно въ странѣ, гдѣ вся земля считалась собственностью царя. Далѣе взимались сборы за право держать различныхъ домашнихъ животныхъ, но удивителенъ ли такой порядокъ въ странѣ, гдѣ фараону принадлежала монополія разведенія свиней и гусей? вѣдь никто не могъ разводить свиней или гусей кромѣ фараона, а взамѣнъ воспрещенія разводить или держать другихъ животныхъ приходилось платить налогъ. Взятые въ плѣнъ передавались въ качествѣ рабовъ частнымъ лицамъ, которыя были обязаны платить за то особую пошлину въ казну[2]). Былъ обложенъ и всякій промыселъ, и для каждаго промысла была своя такса[3]). Изъ косвенныхъ налоговъ большое значеніе имѣли таможенные налоги и октруа въ главнѣйшихъ городахъ; взимался, между прочимъ,

---

[1]) Зато *ὑπὲρ σωματικῶν* (притомъ не съ рабовъ, что практиковалось и раньше) взыскивается въ 100/1 году по Р. Хр. U. Wilcken, Ostraka, № 1052, & I, с. 304. Ср. Wilcken въ Hermes, т. 28, с. 261.

[2]) The Hibeh papyri, ed. Grenfell and Hunt, 1906, № 29, отъ 300—271 гг. до Р. Хр.

[3]) Напримѣръ, доктора и ветеринары платили пошлины за право заниматься своей профессіей. The Hibeh papyri, № 45 и 102.

и налогъ на пиво[1]). Были обложены всякаго рода сдѣлки[2]). Наконецъ, существовалъ высокій налогъ на наслѣдства, происхожденіе котораго объясняютъ тѣмъ, что, согласно представленіямъ египтянъ, все принадлежало фараону, а, слѣдовательно, фараонъ послѣ смерти каждаго подданнаго можетъ отобрать все имущество или ту или иную часть оставленнаго наслѣдства. Дары и конфискаціи составляли также богатый источникъ дохода. Но разсматривая въ цѣломъ древне-египетскую податную систему, мы замѣчаемъ, что она проникнута деспотизмомъ, во всемъ сказывается порабощенность населенія, и всѣ заботы правителей направлены на то, чтобы набить карманы деспота, однако, характерно отсутствіе личныхъ налоговъ, и я думаю это — не случайно, что мы не находимъ слѣдовъ постоянныхъ личныхъ налоговъ, хотя крайній деспотизмъ фараоновъ и разобщенность населенія не исключаютъ возможности подобныхъ налоговъ. Что же касается многочисленныхъ земельныхъ сборовъ, то не слѣдуетъ забывать, что древній Египетъ пережилъ эпоху феодализма, и многочисленные сборы этого рода представляли плату за пользованіе фараонской землей въ соотвѣтствіи съ феодальными представленіями[3]). Далѣе, вся финансовая система фарао-

[1]) Hibeh papyri, № 106, сл., и Tebtunis papyri, I, стран. 48 сл.

[2]) Напр., 5%-ный сборъ при отчужденіи недвижимостей: Hibeh papyri. № 70, Tebtunis papyri, ed. Grenfell etc., II, 1907, № 280 сл. въ размѣрѣ, 10% (въ 126 г. до Р. Хр.); этотъ налогъ носитъ названіе *ἐγκύκλιον*, т.-е. по этимологическому толкованію Вилькена (Ostr., I, 185), Verkehrssteuer — «налогъ на обращеніе» въ буквальномъ смыслѣ. Въ одномъ берлинскомъ папирусѣ (отъ 48 г. по Р. Хр. Wilcken, I, 360, а также и въ Tebtunis papyri, II, № 281 отъ 125 г. до Р. Хр.) упоминается, что на ряду съ *ἐγκύκλιον* взыскивается при перепродажѣ недвижимостей въ городѣ Арсиноэ дополнительный сборъ такъ наз. *διδραχμία Σούχου*, т.-е. еще 10% въ пользу храма бога Суха («великаго господина города»). Ср. Tebt. pap., II, № 350, и ссылки тамъ.

[3]) Ср. M. Magnien, I, c., 20 сл. Revillout, Précis du droit égyptien, II, 1520, и библейское преданіе Бытіе, 47, 20 сл.: «И купилъ Іосифъ всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле; ибо голодъ одолѣвалъ ихъ. И досталась земля фараону. И народъ сдѣлалъ онъ рабами отъ одного конца до другого. Только земли жрецовъ не купилъ (Іосифъ), ибо жрецамъ отъ фараона положенъ былъ участокъ, и они питались своимъ участкомъ, который далъ имъ фараонъ; посему и не продали земли своей. И сказалъ Іосифъ народу: вотъ, я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена, и засѣвайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вамъ на засѣяніе полей, на пропитаніе вамъ и тѣмъ, кто въ домахъ вашихъ, и на пропитаніе дѣтямъ вашимъ. Они сказали: ты спасъ намъ жизнь; да обрѣтемъ милость въ очахъ господина нашего, и да будемъ рабами фараону. И поставилъ Іосифъ въ законъ землѣ Египетской, даже до сего дня: «пятую часть давать фараону, исключая только землю жрецовъ, которая не принадлежала фараону». Здѣсь чрезвычайно характерно преданіе о договорномъ началѣ податного распорядка: двойная десятина (1/5) установлена по соглашенію съ плательщиками. Съ другой стороны, въ библейскомъ преданіи весьма интересна и самая попытка объяснить происхожденіе феодальныхъ началъ въ Египтѣ.

новъ имѣетъ еще ту характерную для древности черту, что всѣ налоги и сборы взимались въ натурѣ; только Лагиды сдѣлали попытку превращенія тѣхъ или иныхъ налоговъ въ денежные платежи. Наконецъ, еще одна характерная подробность — важное финансовое значеніе имѣютъ разныя приношенія и дары, часто правда мало добровольные[1]) но, обычно, обильные, а равно кинфискаціи имуществъ непокорныхъ подданныхъ и дань съ побѣжденныхъ народовъ. Но, во всякомъ случаѣ, если принять въ соображеніе чудовищную систему универсальныхъ монополій, гдѣ фараонъ наживался на самыхъ необходимыхъ предметахъ потребленія націи, нельзя удивляться крайнему деспотизму въ податной системѣ Египта, и даже приходится недоумѣвать, почему въ Египтѣ не было унизительныхъ, по воззрѣніямъ древнихъ, подушнаго или личныхъ вообще налоговъ.

Персія.

Поразительно, что и въ древней Персіи господствующая народность не платитъ налоговъ своимъ повелителямъ изъ рода Ахеменидовъ[2]). Правда, иногда рѣчь идетъ о подаркахъ царю, но нерѣдко послѣднему самому приходилось богато одарять своихъ подданныхъ. Наоборотъ, покоренныя племена должны были платить подати, и податная реформа Дарія I представляетъ собою выдающійся образецъ поземельнаго кадастра, раскинувшагося на громадную территорію: покоренныя страны подѣлены на 20 сатрапій, и для каждой назначенъ опредѣленный ежегодный контингентъ, оставшійся неизмѣннымъ до паденія персидскаго царства; помимо этого различные районы были обязаны поставлять извѣстное количество лошадей, муловъ и т. д., а также весь необходимый провіантъ для двора, царскихъ служителей и войска. Наконецъ, взимались разнообразные таможенные сборы[3]). Потоки золота и серебра, которые приливали въ царскую казну, не получали и не могли получить какого-либо производительнаго назначенія и отливались въ слитки и въ сосуды; въ лучшемъ случаѣ эти сокровища дарились приближеннымъ магнатамъ или, въ тяжелую минуту, шли на военные расходы. Какъ велико было богатство персидскихъ царей, ясно изъ того, что «остатки», которые не успѣлъ захватить съ собою во время своего бѣгства Дарій III и которые достались Александру Македонскому, со-

[1]) См. Масперо, 148, особенно дары по случаю вступленія на престолъ.
[2]) Ed. Meyer, Gesch. d. Altertums, 1901, III, 30.
[3]) Подробнѣе см. тамъ же, стран. 84 сл. Главный источникъ нашихъ свѣдѣній является Геродотъ.

ставили 600 милл. руб. (по содержащемуся въ нихъ металлу и, слѣдовательно, многократно большая сумма по покупательной способности). Замѣчательно также то, что ко двору царя ежедневно являлись обѣдать 15000 человѣкъ (фактъ, засвидѣтельствованный въ цѣломъ рядѣ источниковъ), на прокормленіе которыхъ ежедневно закалывали 1000 штукъ скота. Знатныя особы являются лишь одинъ разъ въ день, чтобы вечернюю трапезу онѣ могли раздѣлить со своими приближенными. Съ другой же стороны, дань персидскому царю обходилась населенію дорого часто и потому, что неурожаи и другія несчастныя событія дѣлали крайне труднымъ своевременный платежъ налоговъ и приводили къ закабаленію населенія: приходилось закладывать землю и виноградники, даже продавать въ рабство своихъ дѣтей и попадать въ тяжелую зависимость отъ ростовщиковъ[1]). Конечно, все это касается лишь покоренныхъ народностей.

Вавилонія.

И, вообще говоря, въ древнѣйшихъ памятникахъ, напримѣръ въ памятникахъ древней Вавилоніи, прямая подать встрѣчается по общему правилу только въ видѣ дани въ пользу покорителя. Дошедшія до насъ клинообразныя надписи временъ Тиглата-Пилезера I (Tiglath-Pileser), т.-е. за 1100 лѣтъ до Р. Хр., содержатъ длиннѣйшій перечень побѣдъ, одержанныхъ этимъ знаменитымъ ассирійскимъ царемъ, и всякая побѣда неизмѣнно сопровождается наложеніемъ дани[2]). Часть своей добычи Тиглатъ жертвуетъ богамъ, главнымъ образомъ «своему покровителю и господину Ашуру» (главному богу города Ашура или Ассура). Но цари далеко не всегда относились столь заботливо и благочестиво къ богамъ или, по крайней мѣрѣ, къ собственности этихъ боговъ. Изъ сохранившихся надписей царя Урукагины (за 2800 лѣтъ до Р. Хр.) мы узнаемъ, что его предшественники захватывали собственность боговъ въ свою пользу. Пока Лагашъ (иначе называемый Ширпурла), главный городъ царства, переживалъ счастливую пору побѣдъ, хорошо жилось и главному

---

[1]) Тамъ же, 92.

[2]) См. Annals of the Kings of Assyria, the cuneiform texts with translations, ed. Budge and W. L. King, vol. I, p. 35, 44, 46 etc. Напримѣръ, стран. 76:... «Этотъ городъ я пощадилъ, и заложниковъ взялъ, и дань и подать я наложилъ на нихъ»... Весь этотъ сборникъ на протяженіи почти 400 страницъ повѣствуетъ объ одержанныхъ побѣдахъ и о наложенныхъ даняхъ. Ср. еще надпись о вторженіи Сеннахириба въ Палестину въ 701 году до Р. Хр. (перепеч. въ King's, First steps in Assyrian, p. 53).

богу Нингирсу: богатая добыча не только обогащала царя, но и бога, и давала возможность строить дворцы и великолѣпные храмы. Побѣды возвеличили скромнаго «патеси» (вождя): онъ уже не довольствуется ролью главнаго представителя Нингирсу, отъ имени котораго онъ управляетъ страной и распоряжается полями и собственностью бога; онъ становится царемъ и окружаетъ себя извѣстнымъ блескомъ. Дворецъ царя начинаетъ играть ту роль, какая ранѣе принадлежала храму мѣстнаго бога. Неудивительно, если, при наступленіи болѣе трудныхъ временъ, царь начинаетъ накладывать свою руку на доходы и собственность боговъ. Урукагина указываетъ, что его предшественники допускали рядъ злоупотребленій: напр., брали быковъ, принадлежащихъ богамъ, на обработку своихъ царскихъ полей, или же они захватывали плодородныя поля боговъ; зерновой хлѣбъ жрецы должны были отдавать слугамъ царя[1]) и т. д. Дѣло доходило до того, что патеси брали въ свою пользу десятину (налогъ), шедшую на содержаніе храма; предшественники Урукагины установили сборщиковъ на всей территоріи Нингирсу «вплоть до самаго моря», и, какъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ (т.-е. послѣ указанія на фактъ назначенія сборщиковъ) клинопись, «рабство было въ то время»[2]), именно, рабство не въ собственномъ смыслѣ слова (что существовало до и послѣ Урукагины), а рабство въ смыслѣ того униженія, какое испытывалъ народъ отъ наложенія податей. Урукагина, преисполненный желаніемъ отмѣнить всякія злоупотребленія и притѣсненія народа, возвращаетъ Нингирсу всѣ его священныя владѣнія. Царь-реформаторъ устранилъ надсмотрщиковъ и сборщиковъ, и не было болѣе надсмотрщиковъ хлѣба, скота, рыбной ловли и судоходства. Урукагина воспретилъ также и духовенству притѣснять народъ; такъ, напр., царь урегулировалъ размѣръ сборовъ за похороны, такъ какъ жрецы требовали чрезмѣрнаго вознагражденія за свои труды. За совершеніе похороннаго обряда главный жрецъ требовалъ семь урнъ вина или крѣпкаго питья, 420 короваевъ хлѣба, 120 мѣръ зерна, одежду, шкуру, постель и даже стулъ; по предписанію царя, жрецъ долженъ былъ довольствоваться гораздо меньшимъ, а именно тремя урнами вина, 80 короваями хлѣба, постелью и шкурой[3]); царь запретилъ жрецамъ

---

[1]) Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, transcr. et traduct. par F. Thureau-Dangin P., 1905, p. 79, Col. IV, 9 сл., и Col. V, 1 сл. и см. L. W. King, History of Sumer & Akad. L. 1910, p. 180.

[2]) Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer etc. p. 81. Col. VII, 26 сл.

[3]) Thureau-Dangin, Inscriptions, 79 сл., и King, History of Sumer, 181.

также врываться въ сады бѣдныхъ и отнимать у нихъ плоды. Урукагина говоритъ, что онъ только возстановляетъ прежніе указы и священные завѣты Нингирсу[1]). Выяснить главнѣйшія черты финансовой организаціи древней Вавилоніи не представляется, однако, возможнымъ, въ виду скудости имѣющихся матеріаловъ. Мы не знаемъ, какъ сложилась податная система Вавилоніи, но достойно вниманія то обстоятельство, что въ древнѣйшія времена, какъ во времена Урукагины, налоги являются синонимомъ несвободы, а съ другой стороны, поразителенъ фактъ сплетенія церковной податной системы (первоначально основанной, очевидно, на доброхотныхъ даяніяхъ, а позднѣе такіе дары входятъ въ обязательный обычай) со свѣтской, гдѣ свѣтская власть старается использовать церковные источники дохода. Когда и какъ возникла въ Вавилоніи десятина (налогъ), опредѣлить невозможно: нѣкоторые утверждаютъ, что она существовала «съ незапамятныхъ временъ», хотя прямыя указанія на нее встрѣчаются лишь въ болѣе позднихъ памятникахъ[2]). Но прежде всего десятина — налогъ въ пользу храма; ее уплачиваютъ, повидимому, всѣ, начиная съ самого царя. При вступленіи на престолъ царь Набонидъ (VI вѣкъ до Р. Хр.) уплачиваетъ десятину храму въ Сиппарѣ; царь Валтассаръ платитъ десятину храмамъ, посвященнымъ богамъ Белу, Нергалъ и другимъ[3]). Свидѣтельства о десятинѣ — многочисленны, но подробности ея организаціи далеко не извѣстны, такъ какъ дошедшіе до насъ памятники содержатъ, по общему правилу, лишь указанія на фактъ уплаты сбора и притомъ въ натурѣ, и ничего болѣе[4]). Въ сборникѣ документовъ эпохи Урукагины и Лугальанды, изданномъ М. В. Никольскимъ, въ цѣломъ рядѣ памятниковъ упоминается фактъ платежа десятины[5]). Къ сожалѣнію, выяснить детали этого института по названнымъ матеріаламъ чрезвычайно трудно, но рѣзко бросается въ глаза тѣснѣйшая связь между

---

[1]) Надо замѣтить, что Урукагина, несомнѣнно, вліялъ на Гаммураби, составителя знаменитаго кодекса, и есть полное основаніе считать, что кодексъ Гаммураби воспринялъ постановленія глубокой сумирской старины, задолго до Урукагины (ср. King, History of Sumer, 184).

[2]) C. H. W. Johns, Babylonian and Assirian laws etc. 1904, p. 205.

[3]) Johns, Laws, 206.

[4]) Ibid.

[5]) Документы хозяйств. отчетности древнѣйшей эпохи изд. собр. Н. И. Лихачева (2 вып. III ч. Древн. Вост. Имп.Моск. Арх. Общ.), С.-Пб. 1908, № 173, 182, 183, 187, 195, 196, 201, 202, 209, 217, 272 (?). Оговариваюсь, впрочемъ, что полной транскрипціи клинописныхъ текстовъ М. В. Никольскій, къ сожалѣнію, не даетъ, почему я и лишенъ возможности высказаться болѣе опредѣленно по поводу упоминаемой здѣсь «десятины»; повидимому, М. В. Никольскій весьма мало истолкованное выраженіе zag-ne-u всегда переводитъ какъ «приношеніе жертвы въ качествѣ десятины».

сакральнымъ и государственнымъ элементомъ, такъ что М. В. Никольскій имѣлъ полное основаніе заключать, что «если не вся, то значительная часть земли Ширпурлы находилась въ такъ сказать идеальномъ владѣніи богини (Бау), а распоряженіе ею принадлежало царямъ, патеси и зависящимъ отъ нихъ лицамъ (членамъ семьи и чиновникамъ)». Если до насъ дошли списки цензовъ изъ древней Ассиріи (какъ, напримѣръ, такъ называемый Liber Censualis of the District round Harran, отъ VII вѣка до Р. Хр. изд. C. H. W. Johns, Assyr. Bibl. Lpz. 1901), заключающіе подробнѣйшія свѣдѣнія о численности населенія, о расположеніи отдѣльныхъ недвижимостей, о количествѣ скота и т. д., то все же мы не находимъ здѣсь никакихъ опредѣленныхъ указаній на характеръ тѣхъ правъ, которыя принадлежали царю въ дѣлѣ обложенія подданныхъ. Но даже если предположить, что подобные цензы служили для податныхъ цѣлей, то все же остается подъ сомнѣніемъ, не являлся ли цензъ, вродѣ Харранскаго, описью, быть-можетъ, чисто феодальнаго характера или хотя бы описью для податныхъ цѣлей, но въ качествѣ пережитка со временъ военнаго покоренія данной мѣстности (или даже въ качествѣ пережитка церковнаго института[1]), гдѣ платежи населенія являются лишь продолженіемъ старой дани (или повинности въ пользу храма), при чемъ десятина амортизировалась и получила гипотечный характеръ. Послѣднее ясно изъ того, что десятина (точнѣе, право на нее) могла продаваться и являться въ качествѣ самостоятельнаго объекта права[2]).

---

[1]) Какъ извѣстно, Харранъ, гдѣ находился знаменитый храмъ въ честь бога луны Сина, въ Сѣверной Месопотаміи игралъ важную роль въ сношеніяхъ между Ассиріей и Вавилономъ, и владычество надъ нимъ мѣнялось нѣсколько разъ. Около 1400 года до Р. Хр. Харранъ попалъ подъ власть ассирійскихъ царей. Въ годъ полнаго солнечнаго затменія въ 763 году до Р. Хр. Харранъ былъ замѣшанъ въ возстаніи противъ Ассиріи, за что и былъ жестоко наказанъ (ср. преданіе въ 4 Цар., 19, 12). При Саргонѣ II (722—705 гг. до Р. Хр.) привилегіи были возстановлены. Въ чемъ заключались эти привилегіи, сказать трудно (см. Mez, Geschichte d. Stadt Harran, Diss. Strassb. 1892, S. 30 u. f.). Во всякомъ случаѣ, область Харрана находилась въ особыхъ условіяхъ, именно, въ особой непосредственной феодальной зависимости отъ ассирійскихъ царей, и это обстоятельство, быть можетъ, и послужило основаніемъ для составленія спеціальнаго, весьма подробнаго ценза. Ассурбанипалъ назначилъ своего младшаго брата господиномъ храма Сина. Подробнѣе см. еще статьи Harran въ 7 т. Realencyklopädie f. prot. Theologie, во 2 т. Encycl. biblica, изд. Cheyne, и Энц. сл. Брокгауза-Эфрона, полут. 73.

[2]) Johns, Assyrian Deeds a. Documents, II, 179 и ср. стр. 50 сл.; см. еще The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, A. Clay, VIII, p. 1, № 17, 23, 27, 29, 30.

Разсматривая, такимъ образомъ, податную систему древности въ цѣломъ, нельзя не признать, что воззрѣнія древнихъ народовъ на податное дѣло отличаются отъ современныхъ. Платежъ прямыхъ налоговъ считался унизительнымъ, какъ бы велики ни были потребности общежитія. Даже въ эпоху Христа категорически высказывается мысль, что цари земные могутъ брать пошлины только съ постороннихъ, а «сыны свободны». Правда, земля повсемѣстно, рано или поздно, платитъ на общественныя нужды, чаще всего въ видѣ такъ называемой десятины. Но характерно, что это, по общему правилу, всегда мотивируется либо какъ религіозное учрежденіе, либо какъ институтъ, вытекающій изъ договорныхъ соглашеній или изъ феодальнаго контракта. Іосифъ въ Египтѣ «покупаетъ» это право. Десятина въ Греціи носитъ, несомнѣнно, частноправовой или феодальный характеръ[1]); если тираны взимаютъ десятину со всѣхъ земель, то на томъ основаніи, что они считаютъ себя владѣльцами всей земли. Десятина, которая взималась въ Сициліи и о которой мы сравнительно лучше освѣдомлены благодаря дошедшему до насъ закону Гіерона, мотивируется какъ слѣдствіе частной собственности тирана надъ всей территоріей страны: Гіеронъ — царь и владѣлецъ всей земли, и эта точка зрѣнія dominium'a in solo усваивается впослѣдствіи и римлянами[2]). Въ древнемъ Римѣ десятина есть плата десятой части жатвы за пользованіе участкомъ ager publicus'a подобно тому, какъ уплачивалась scriptura за право выгонять скотъ на общественный выгонъ[3]). Десятина, какъ церковный институтъ, извѣстна повсемѣстно, но выяснить происхожденіе этого института безконечно трудно: тутъ сливаются государственные, церковные и частноправовые элементы. Народы древности удѣляютъ богу часть своей военной добычи, обычно въ видѣ одной десятой части[4]). Это — весьма распространенный обычай въ Греціи[5]), въ Римѣ[6]) и на всемъ Востокѣ. Въ мусульманскомъ правѣ десятина (такъ называемая «закатъ») — повелѣна Богомъ, который запечатлѣлъ въ Коранѣ обязанность: «плати закатъ»[7]); при дѣлежѣ добычи $^1/_5$ (двойная десятина)

[1]) Ср. «Decuma», Pauly-Wissowa Real-Encycl., 1901, 8 HB, p. 2423, и Boeckh, Staatsh., II, 44.

[2]) Rostowzew, Gesch. des röm. Kolonates 1910, S. 236 u. f.

[3]) Pauly-Wissowa, 2307.

[4]) Ср. разсказъ въ Псевдо-Аристотелевой Экономикѣ II, 2.

[5]) Pauly-Wissowa, 2423; ср. источники, приведенные у O. Gruppe, Griechische Mythologie u. Religionsgeschichte, 1906, II, 1233, пр. 6, и 1292, пр. 4.

[6]) Pauly-Wissowa, 2306.

[7]) The Hedaya, a commentary on the mussulman laws, transl. by Hamilton, 2 ed. 1870, p. 1 and Hughes, Dictionary of Islam, 1885, s. v. zakat & taxation.

принадлежитъ Богу, пророку и его родичамъ и на дѣла благотворенія[1]). Казалось бы, Библія должна была бы дать намъ болѣе ясное представленіе о происхожденіи десятины, какъ церковно-финансоваго института, широко распространеннаго среди семитскихъ народовъ. Однако и Библія не даетъ намъ возможности освѣтить этотъ вопросъ[2]). Повидимому, остается думать, что десятина образовалась изъ доброхотныхъ даяній Богу и на отправленіе культа. Какъ царямъ земнымъ, такъ и царямъ небеснымъ приносятъ дары, или, какъ говоритъ поэтъ, *δῶρα θεοὺς πείθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας*[3]) («дары умилостивляютъ боговъ и славныхъ царей»), но отсюда никакъ нельзя заключать о пріоритетѣ свѣтскихъ платежей предъ церковными.

Римъ (императорская эпоха).

Итакъ, древній міръ знаетъ лишь финансовое насиліе и примѣняетъ его по отношенію къ покореннымъ или порабощеннымъ народамъ. Вотъ почему и система обложенія въ Римѣ и въ его провинціяхъ сильно разнились. Подушное обложеніе, столь невыносимое для свободнаго гражданина, находило широкое примѣненіе въ провинціяхъ. Оно и понятно. Намѣстникъ карійскаго царя Мавсолія требовалъ отъ ликійцевъ, чтобы они платили подушную подать, если желаютъ носить длинные волосы, какъ тамъ было въ обычаѣ. Намѣстникъ мотивировалъ свое требованіе тѣмъ, что великому царю нужны волосы на парикъ, а потому онъ и не можетъ допустить, чтобы его подданные носили длинные волосы или, по крайней мѣрѣ, не платили за недоставленіе своихъ волосъ царю. Намѣстникъ былъ, въ сущности, милостивъ; вѣдь если бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы потребовать не волосы, а самыя головы[4]). И побѣдители, требуя той или иной дани, руководствовались всегда лишь соображеніемъ, что имъ выгоднѣе: получить дань или отрубить головы. Такъ дѣйствовали и римскіе полководцы, и когда они покоряли извѣстную область, то налагали дань. Обычно, это

---

[1]) The Koran, Ch. 8 (transl. by G. Sale, p. 144).

[2]) См. обстоятельную статью Zehnpfund'a въ 21 т. Realencyklopädie für protest. Theologie u. Kirche, 3. Aufl. Lpz., 1908, S. 627 сл., гдѣ сгруппированы источники и литература. Догадка, выставляемая нѣкоторыми авторами, что церковная десятина возникла въ подражаніе такого же сбора въ пользу царя (W. R. Smith и др., между прочимъ въ статьяхъ Taxation & tithe, IV vol., Encyclopaedia Biblica, 1903), — неосновательна, и противъ этого говоритъ между прочимъ Быт., 28, 22.

[3]) Слова, приписываемыя въ словарѣ Суиды (I, 623) Гесіоду и повторенныя въ «Государствѣ» Платона III, 3902.

[4]) Böckh, Staatsh. d, Athener, 371.

былъ тотъ же поимущественный налогъ, тотъ же трибутъ. Покоренныя провинціи собираютъ дань на платежъ жалованія римскому гарнизону — stipendium (отъ слова stips in (endo) diem, т.-е. поденное жалованье)[1]). Степень свободы, какую получалъ покоренный народъ, отличалась лишь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ рѣшительно порабощенныхъ странахъ взиманіе поимущественнаго налога подробно регулировалось самими римлянами; наоборотъ, въ менѣе порабощенныхъ мѣстностяхъ способъ взиманія дани предоставлялся самимъ покореннымъ[2]). Вся земля въ покоренныхъ провинціяхъ признавалась ager publicus populi romani, общественной землей римскаго народа[3]). Часть земли при этомъ продавалась подъ условіемъ платежа той или иной (иногда просто фиктивной или номинальной) суммы — vectigal; такія земли скупались, обычно, римскими спекулянтами, и онѣ-то составили первоначальное ядро владѣній позднѣйшихъ чудовищно богатыхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; самая же значительная часть провинціальной земли уступалась прежнимъ владѣльцамъ, но это была уже земля, обязанная платить подати, для чего ее измѣряли и заносили въ податные списки; если такая земля переходила въ руки римскаго гражданина, то все же обязанность платить подать оставалась, ибо земля въ провинціи разсматривалась какъ ager publicus; наконецъ, остальная часть оставалась въ непосредственномъ распоряженіи государства и сдавалась, обычно, въ аренду[4]). Система обложенія въ различныхъ провинціяхъ была различна, но преобладающій типъ былъ

---

[1]) О различіи въ обозначеніяхъ tributum и stipendium см. O. Hirschfeld, Die Kaiserl. Verwaltungsbeamten, 2 Aufl. 1905, S. 54.

[2]) Huschke, Ueber d. Census u. d. Steuerverfassung d. früh. röm. Kaiserzeit, 1847, S. 11.

[3]) Несмотря на полную обоснованность провинціальнаго трибута, какъ подати съ покоренныхъ мѣстностей, въ юридической конструкціи его, повидимому, проскальзываетъ та же частноправовая точка зрѣнія: завоеванная земля провинцій находится въ собственности римскаго народа (ср. Gai Inst. II, 7), который требуетъ вознагражденія за предоставленіе пользованія ею, т.-е. вознагражденія въ видѣ трибута; съ другой стороны, провинціалъ — de jure рабъ, которому, обычно, предоставляли свободу, но налагали tributum capitis, такъ какъ это было nota captivitatis (Matthias, c. 33; по поводу этой частноправовой точки зрѣнія ср., впрочемъ, Fustel de Coulanges Institutions politiques de l'ancienne France, P., 1901, I, 275, пр.). Никакого «экзистенцминимума» въ провинціяхъ не было въ противоположность Италіи (ср. выше), что̀ весьма характерно; даже болѣе, если неимущій провинціалъ покидалъ свою родину и переходилъ въ мѣстности, гдѣ вообще не взималось подушнаго налога, то все равно фискъ преслѣдовалъ его и тамъ (см. Leo, Capitatio plebeia, c. 21, со ссылкой на Sueton, Domitianus, c. 12). Но какъ только какой-нибудь провинціальный городъ пріобрѣталъ ius italicum, какъ отмѣнялись его налоги съ земли и отпадалъ подушный налогъ (Leo, ibid.; ср. L. 8, § 7, D. de cens., 50, 15).

[4]) Marquardt, Staatsverw., 1876, II, 176.

слѣдующій. Обычно, взимался поземельный налогъ съ тѣхъ самыхъ земель, которыя оставлялись прежнимъ владѣльцамъ. По общему правилу, это была десятина, т.-е. $^1/_{10}$ часть продуктовъ, получаемыхъ съ земли владѣльцемъ ея; иногда обложеніе было и выше, напр., съ нѣкоторыхъ видовъ продуктовъ земли взимали $^1/_7$, $^1/_5$ и даже $^1/_4$ часть жатвы. Римляне, естественно, сообразовывались съ системами обложенія, практиковавшимися въ покоряемыхъ мѣстностяхъ до ихъ прихода[1]), только они превращали экстраординарные сборы тѣхъ странъ въ постоянные: вѣдь у всѣхъ народовъ древности, обычно, не практиковалось постоянныхъ налоговъ, а были только сборы по случаю экстренныхъ надобностей; римляне же дѣлали ихъ постоянными. Отсюда и большое разнообразіе въ способахъ взиманія римлянами въ провинціяхъ поземельнаго налога[2]). Главное несчастье провинцій въ податномъ отношеніи было то, что доходъ отъ десятины, по общему правилу, сдавался на откупъ, ибо было бы совершенно невозможно поручить взиманіе собственнымъ чиновникамъ. Откупщики платили извѣстную сумму государству и пріобрѣтали за то право взыскивать десятину съ населенія. По отношенію къ откупщику провинція была безпомощна, а римскій намѣстникъ, который одинъ могъ положить предѣлъ чрезмѣрной алчности откупщиковъ, рисковалъ своимъ положеніемъ, если бы онъ вздумалъ вмѣшаться, ибо богатые откупщики могли оказать въ Римѣ надлежащее давленіе. И въ нѣкоторыхъ про-

---

[1]) Согласно Цезарю, въ Галліи друиды и благородные были свободны отъ налоговъ; наоборотъ, plebs paene servorum habetur loco quae per se nihil audet: plerique, quum aut aere alieno, aut magnitudine tributorum, aut injuria potentiorum premuntur, sese in servitutem dicant nobilibus: in hos eadem omnia sunt jura, quae dominis in servos (Caesar., De bello Gall., lib. VI, § 13). Что это за налоги — опредѣлить трудно: повидимому, какіе-нибудь поземельные или подушные сборы или оброки и особенно косвенные налоги, напр. таможенныя пошлины и т. п., сдававшіяся на откупъ (Caes., lib., 18). Эти откупа давали возможность быстраго обогащенія; такъ, Думноріксъ этимъ путемъ создалъ себѣ, какъ сообщаетъ Цезарь, большое состояніе. Не могу не замѣтить, что, по мнѣнію Фюстель де-Куланжа (Inst. pol., 1901, I, 17), въ древней Галліи благородные платили налоги. Цезарь ясно говоритъ о податномъ иммунитетѣ лишь друидовъ (De bello Gall., VI, 14): но вся конструкція VI, 13 у Цезаря говоритъ въ пользу свободы отъ налога и благородныхъ. Glasson считаетъ, что послѣдніе также свободны отъ обложенія. Мнѣ важно отмѣтить еще только то обстоятельство, что когда нѣкоторые галлы хотѣли вызвать возстаніе противъ римлянъ, то они высказываютъ возмущеніе противъ продолженія взиманія налоговъ: dissere-bant de continuatione tributorum, gravitate fenoris, saevitia ac superbia praesidentium (Tacitus, Ann., III, 40). Очевидно, въ глазахъ этихъ заговорщиковъ самый сильный аргументъ противъ римскаго владычества былъ фактъ продолженія налоговъ. Я склоненъ думать, что въ этихъ словахъ проявляется взглядъ древнихъ на податное обложеніе какъ на нѣчто унизительное...

[2]) Ср. Glasson, Hist. du droit et des inst. de la France, 1887, I, 363.

винціяхъ римское государство отказалось взимать десятину какъ разъ потому, что эта система, неразрывно связанная съ откупами, вела къ крайнему истощенію податного объекта, т.-е. грозила сдѣлать ихъ бездоходными[1]). Въ такихъ случаяхъ переходили къ системѣ стипендій, или каждогодныхъ даней, какъ это практиковалось въ очень многихъ мѣстностяхъ. Тогда данная страна обязывалась ежегодно доставлять опредѣленную сумму. Какъ же она взыскивалась? Во всѣхъ провинціяхъ существовала здѣсь двоякая форма взиманія: 1) съ земли, и 2) съ лицъ, съ отдѣльныхъ жителей, ибо и земля и люди подлежатъ въ покоренной странѣ дани. Земля была сразу видимымъ объектомъ, а потому, конечно, на нее прежде всего устремляли свои взоры римскіе администраторы въ провинціяхъ. Но вѣдь, чтобы обложить землю, надо произвести кадастръ, т.-е. измѣрить земли, выяснить доходность, оцѣнить ихъ и т. д. На это надо было время, если уже ранѣе не было въ данной мѣстности кадастра. Въ Греціи римляне нашли довольно точныя описи земель, по которымъ взималась самими греками эйсфора, а потому и легко было воспользоваться имѣвшимся масштабомъ. Римляне дѣлили въ такомъ случаѣ провинцію на податные округа, при чемъ на каждый округъ возлагалась опредѣленная сумма каждогодной дани, а разверстка внутри податного округа совершалась по старымъ оцѣнкамъ и кадастрамъ. Особенно важно было имѣть болѣе или менѣе надежный масштабъ въ городскихъ общинахъ, гдѣ оцѣнки владѣній отдѣльныхъ жителей были наиболѣе затруднительны. Въ дополненіе къ поземельной раскладкѣ дани, римляне взимали подушную подать. Весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ не было туземныхъ поземельныхъ кадастровъ, римляне прямо раскладывали дань прежде всего только подушно впредь до составленія надлежащаго кадастра. Подушная подать была въ древности наиболѣе унизительной формой обложенія. Римскіе писатели всегда говорятъ о ней, какъ о признакѣ несвободы и покореннаго состоянія, и не допускаютъ возможности ея для римскаго гражданина. Наоборотъ, въ римскихъ провинціяхъ широко практиковался подушный налогъ, и источники опредѣленно упоминаютъ его какъ постоянное учрежденіе въ Африкѣ, Сициліи, Азіи, на островѣ Теносѣ и въ Британніи. Только мы должны принять во вниманіе, что подушное

---

[1]) Ср. Tacitus, Ann., XIII, 50: eodem anno (a. D. 58) crebris populi flagitationibus immodestiam publicanorum arguentis dubitavit Nero an cuncta vectigalia omitti iuberet idque pulcherrimum donum generi mortalium daret.

обложеніе было здѣсь, обычно, не какъ равный со всѣхъ и съ каждаго жителя сборъ, а все же сообразовалось съ имущественнымъ положеніемъ плательщиковъ. Только тамъ, гдѣ римляне заставали первобытныя условія и полное отсутствіе какихъ-либо туземныхъ податныхъ списковъ, они прямо разлагали дань на каждаго жителя поровну. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ упоминаемый источниками подушный налогъ представлялъ собою просто личный налогъ, взимаемый съ отдѣльныхъ гражданъ подъ предлогомъ той или иной ихъ профессіи или же сообразно ихъ имуществу. Но такъ какъ фискъ обращался къ подданнымъ лично, дѣлалъ ихъ лично своими данниками, то отсюда и презрительная кличка такого личнаго обложенія, отсюда названіе — подушный налогъ — tributum capitis. Но это, безъ сомнѣнія, вовсе не равное обложеніе каждаго подданнаго, такъ какъ совсѣмъ не вѣроятно, чтобы римляне, такъ дорожившіе возможно большимъ доходомъ изъ провинцій, стали игнорировать болѣе совершенныя податныя системы туземцевъ и стали вводить равный для всѣхъ поголовный налогъ[1]). И дѣйствительно, входя въ подробное изученіе провинціальнаго tributum capitis, мы видимъ, что онъ нерѣдко пріобрѣтаетъ характеръ налога на профессіи: напр., торговцы въ разносъ или предсказатели, врачи, астрологи и т. д. должны были платить особый налогъ за право заниматься данной профессіей; или же tributum capitis сводился къ общеимущественному обложенію, и подданные облагались либо по имущественнымъ классамъ, къ которымъ они принадлежали, либо дѣлалась болѣе точная оцѣнка имущества каждаго гражданина, и лишь неимущіе платили равный для всѣхъ нихъ подушный налогъ[2]).

Итакъ, въ принципіальномъ смыслѣ римское обложеніе въ провинціяхъ и въ Италіи кореннымъ образомъ отличались другъ отъ друга: что для однихъ составляло дань и позорное отнятіе собственности, то для другихъ носило почетный характеръ, характеръ выполненія гражданско-правового обязательства. И даже болѣе. Съ 167 года до Р. Хр. трибутъ съ римскихъ гражданъ болѣе не взимался, онъ не былъ по всему видимому возобновленъ и при императорахъ, которые не желали раздражать народъ податями. Римъ жилъ уже за счетъ провинцій. Августъ и его преемники предпринимали обширныя кадастровыя работы по оцѣнкѣ провинціальныхъ земель и по выясненію податныхъ объектовъ, т.-е. обязанныхъ къ уплатѣ податей. И оцѣнки

[1]) Marquardt, St. Verwaltung, 73.
[2]) Marquardt, 195.

въ этой описи имѣли иной характеръ, чѣмъ это было въ цензѣ римскихъ гражданъ. Отъ послѣднихъ требовалась самооцѣнка, собственное заявленіе объ имуществѣ, и какъ послѣдствія этого заявленія даровывались опредѣленныя политическія права (показанія, сдѣланныя цензору, могли быть приводимы въ качествѣ доказательствъ въ судебныхъ процессахъ). Наоборотъ, на самооцѣнки провинціаловъ нельзя было положиться, а потому отъ нихъ отбирались свѣдѣнія преимущественно лишь о числѣ жителей въ данной области и о пространствѣ земли, находившейся во владѣніи тамошнихъ подданныхъ[1]).

Внѣ всякаго сомнѣнія, Августъ желалъ упорядочить и увеличить доходъ изъ провинцій. Государственные расходы римской имперіи возросли въ огромной степени, и потребность въ новыхъ источникахъ дохода давала себя знать. Достаточно вспомнить, что при Августѣ армія была сдѣлана постоянной, при чемъ солдатамъ, прослужившимъ опредѣленное число лѣтъ, была обѣщана пенсія. Между тѣмъ безъ надлежащаго общаго провинціальнаго ценза нельзя было имѣть необходимыхъ свѣдѣній ни о доходѣ государства, ни о возможныхъ увеличеніяхъ его, такъ какъ методы и основанія взиманія провинціальныхъ налоговъ представляли крайне пеструю картину: вѣдь никто даже и не могъ сказать, сколько было населенія и сколько земель въ провинціяхъ. Говорятъ, къ концу своего царствованія Августъ имѣлъ въ своихъ рукахъ полный обзоръ государственныхъ доходовъ изъ провинцій, слѣдовательно, цензъ былъ законченъ еще въ его царствованіе. Но какъ бы то ни было, Августъ не могъ не сознавать всей важности упорядоченной финансовой системы, такъ какъ военный цезаризмъ долженъ былъ опираться на большія матеріальныя средства. Естественно, если Августъ обращается къ сенату съ просьбой найти новые источники для покрытія расходовъ по обезпеченію ветерановъ. Августъ самъ подалъ примѣръ, учредилъ кассу добровольныхъ пожертвованій (aerarium militare), въ которую онъ внесъ за себя и за Тиверія 170 милл. сестерцій, и обѣщалъ ежегодно вносить такую же сумму. Но ни городъ, ни частныя лица не послѣдовали его примѣру. Тогда Августъ запросилъ мнѣнія у каждаго сенатора въ отдѣльности, но всѣ предлагавшіеся ими способы увеличенія государственнаго дохода оказались непріемлемыми. Августъ рѣшилъ пойти по линіи наименьшаго сопротивленія. Установить новые косвенные налоги въ видѣ таможенныхъ пошлинъ и на-

[1]) Родбертусъ, III, 208.

логовъ на коммерческій оборотъ было бы не расчетливо, такъ какъ главные столпы цезаризма — партія всадниковъ-капиталистовъ — были бы рѣшительно недовольны стѣсненіемъ торговли и спекуляціи[1]). Поэтому Августъ ввелъ 5%-ный налогъ съ наслѣствъ, освободивъ отъ платежа небольшія наслѣдства, и наслѣдства, переходившія къ ближайшимъ родственникамъ. Сопротивленіе здѣсь, конечно, должно было быть наименьшимъ, такъ какъ наслѣдства въ пользу ближайшихъ родственниковъ не облагались вовсе, налогу придавался характеръ мѣры поощренія нравственности (борьбы противъ безбрачія), да и къ тому же перспектива платежа налога лишь послѣ смерти раздражаетъ людей меньше, чѣмъ періодическій, ежегодный прямой налогъ. Не даромъ тотъ же Августъ получилъ по добровольнымъ завѣщательнымъ отказамъ отъ своихъ друзей за 20 лѣтъ царствованія 1400 милл. сестерцій, т.-е. 7 милл. рублей въ годъ[2]). Идею обложенія наслѣдствъ Августъ заимствовалъ очевидно изъ Египта. Тѣмъ не менѣе римляне никакъ не могли примириться съ наслѣдственнымъ налогомъ; неудовольствіе дошло до того, что грозило возмущеніемъ народа. Августъ опять принялъ примирительный тонъ и снова предложилъ сенату изобрѣсти нѣчто иное, менѣе обременительное. Но изъ полученныхъ отвѣтовъ сенаторовъ Августъ могъ лишь убѣдиться, что наслѣдственный налогъ, дѣйствительно, наименѣе обременительный и наиболѣе цѣлесообразный. Тогда Августъ пригрозилъ, что если сенатъ не приметъ окончательно наслѣдственный налогъ, то онъ опишетъ земли и населеніе Италіи и введетъ поземельный трибутъ, наподобіе провинціальнаго. Угроза унизительнаго налога возымѣла свое дѣйствіе, и налогъ съ наслѣдства въ 13 году по Р. Хр. окончательно вошелъ въ общую податную систему римскаго государства. Удобство черпанія изъ такого источника, какъ наслѣдства, было по достоинству оцѣнено преемниками Августа. Обычай оставлять отказы въ пользу императора укоренился настолько, что Калигула признавалъ оскорбленіемъ для себя, если ему не оставляли въ завѣщаніи приличнаго, по его мнѣнію, отказа; поэтому завѣщанія безъ отказовъ въ пользу цезаря признавались недѣйствительными[3]). Даже люди, кончавшіе жизнь самоубійствомъ, спѣшили завѣщать ту или иную сумму императору, чтобы хоть остальную часть имущества сохранить своимъ наслѣдникамъ. Принимая во вниманіе сильно развитое безбрачіе среди римлянъ,

---

[1]) Родбертусъ, III, 208 сл.
[2]) Hirschfeld, Kaiserl. Verwaltungsbeamten, 2 Aufl. 1905, S. 110.
[3]) Marquardt, V.—recht, II, 265.

мы не сочтемъ преувеличеніемъ расчетъ Гиббона, что каждыя 2—3 поколѣнія вся совокупность имуществъ римскихъ гражданъ пропускалась черезъ казенный сундукъ. Такимъ образомъ, обложеніе наслѣдствъ сдѣлалось источникомъ крупнаго дохода для казны римскаго императора, хотя обложенію подлежали имущества лишь римскихъ гражданъ, такъ какъ въ принципѣ считалось, что наслѣдственный налогъ замѣняетъ собою поземельный трибутъ. Каракалла распространилъ право гражданства и на провинціаловъ, но онъ сдѣлалъ это, главнымъ образомъ, въ податныхъ цѣляхъ. Вѣдь съ правомъ гражданства на провинціаловъ распространялся и наслѣдственный налогъ, при чемъ отнюдь не отмѣнялись провинціальные поземельные сборы. Правда, распространеніе права гражданства на провинціаловъ было вполнѣ естественно, ибо въ тѣ времена провинціалы пріобрѣли вліятельное положеніе въ римскомъ государствѣ. Въ военной іерархіи мы находимъ многихъ провинціаловъ, даже среди императоровъ попадались бывшіе провинціалы. Въ первые вѣка римскаго цезаризма императоры находили рѣшительную поддержку среди партіи капиталистовъ, которые недружелюбно относились къ политической свободѣ и бросались въ объятія цезаризма, потому что подъ защитой военной монархіи капиталисты могли тѣмъ сильнѣе заниматься эксплуатаціей чужихъ силъ. Провинціи эксплуатировались, въ силу существовавшихъ правовыхъ условій, римскимъ капиталомъ, вслѣдствіе чего и добыча принадлежала только римлянамъ. Но въ послѣдующее время римскій цезаризмъ взялъ подъ свою защиту эксплуатированныя силы, такъ какъ ему необходима была опора провинцій для борьбы съ италійскимъ гражданскимъ народомъ[1]). Такъ это и было съ распространеніемъ гражданскихъ правъ на провинціаловъ при Каракаллѣ. Но по мѣрѣ того, какъ цезарское государство становилось все болѣе военнымъ и чиновничьимъ, оно, естественно, все болѣе смотрѣло на общество, какъ на источникъ, изъ котораго оно можетъ высасывать средства.

И вообще поразителенъ тотъ фактъ, что капитализмъ древняго міра, несомнѣнно, выросъ при непосредственномъ участіи государства[2]). Италіанскій ученый Сальвіоли[3]) рисуетъ сильную

[1]) Родбертусъ, III, 233.

[2]) A. Deloume, Manieurs d'argent à Rome, 2 éd. 1892, p. 8, пишетъ: «по политическимъ соображеніямъ или инстинктивно, римское государство нашло способъ удержать исключительно за собою возможность предпринимать спекуляціи, которыя требовали денегъ и времени, т.-е. всѣ крупныя промышленныя или финансовыя операціи. Его способъ былъ очень простъ: государство разрѣшало только тѣмъ, которые договаривались съ нимъ съ аукціона, устраивать обширныя и расчитанныя на продолжительный срокъ общества».

[3]) Le capitalisme dans le monde antique, фр. пер., 1906, p. 34 etc.

картину нарастанія капитализма въ Римѣ: «большое богатство въ Римѣ имѣло своимъ источникомъ войну... Въ древности, въ основѣ всякаго крупнаго накопленія капиталовъ былъ насильственный грабежъ, военная добыча... Въ Римѣ это крупное богатство, происходящее изъ войны, поразило всѣхъ. Это былъ внезапный наплывъ денегъ въ страну, очень бѣдную и лишенную какихъ бы то ни было денежныхъ запасовъ: паролемъ былъ захватъ золота... Катонъ, Горацій и Проперцій воспѣваютъ эту страсть къ пріобрѣтенію золота... На снабженіи войскъ провіантомъ, на поставкахъ военныхъ матеріаловъ, на откупахъ налоговъ и общественныхъ сборовъ, на ссудахъ царямъ, подчиненнымъ римскому владычеству, образуется», говоритъ Сальвіоли, «классъ финансовыхъ дѣятелей,—классъ, достаточно сильный, чтобы занять руководящую роль въ государственной жизни... У Цицерона мы находимъ имена этихъ банкировъ, ростовщиковъ и спекулянтовъ: Верресъ, Помпей, Брутъ, Рабирій, Планцій, Ситтій, Кастрицій, Аттикъ. Это—тѣ крупные банкирскіе дома, тѣ крупныя фирмы конца Республики и первыхъ годовъ Имперіи, благодаря которымъ денежный капиталъ римскихъ гражданъ былъ заинтересованъ въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ и обезпечивалъ себѣ монополію на фискальные и доменіальные рессурсы государства». Съ другой стороны, накопленные этимъ способомъ капиталы отнюдь не получили экономически производительнаго употребленія, такъ какъ шли, почти исключительно, на ростовщическую эксплуатацію и на государственно-финансовыя операціи, которыя сильно увеличивали богатство въ рукахъ данныхъ капиталистовъ, но мало увеличивали производительную дѣятельность и богатство населенія: препятствіемъ служилъ натурально-хозяйственный строй тогдашняго общества[1]) и рабскій трудъ (см. Сальвіоли, гл. VII). Вотъ почему весь государственный аппаратъ приспособился къ перекачиванію общественныхъ денегъ въ карманы тѣхъ круговъ, отъ которыхъ въ данный моментъ зависѣло распоряженіе судьбами римскаго народа. При воцареніи каждаго новаго императора казна опустошалась. Едва можно повѣрить, чего стоили преторіанцы: они стоили больше, чѣмъ самая война. Въ одинъ пріемъ Септимій Северъ подарилъ имъ 400 милл. сестерцій (около 40 милл. рублей), и это неудивительно, если главнымъ девизомъ этого императора было: «обогащайте

[1]) Поразительно характерно экономическое пониманіе «капитала» въ глазахъ римлянъ: они понимаютъ его исключительно какъ денежный капиталъ, а «процентъ»—исключительно какъ ростъ на денежный капиталъ. Ср. R. Oertmann, Die Volkswirtschaftslehre des Corpus Juris Civilis, 1891, S. 81.

солдатъ и не заботьтесь ни о чемъ другомъ», а Александръ Северъ говорилъ: «солдатъ долженъ имѣть туго набитый кошелекъ» (Сальвіоли, 277). Созданная императорами колоссальная военная и гражданская бюрократія требовала огромныхъ средствъ, и при этихъ условіяхъ фискальные интересы, конечно, стали поглощать всѣ остальные. Тацитъ еще могъ восхвалять императора Нерву за то, что онъ «сумѣлъ соединить вещи несовмѣстимыя (dissociabiles) принципатъ и свободу»[1]). Но въ III вѣкѣ при зарожденіи деспотической монархіи съ ея обширнымъ бюрократическимъ персоналомъ должны были исчезнуть послѣдніе остатки свободы, и народные интересы должны были быть принесены въ жертву фискальнымъ интересамъ: новыя средства были нужны на кормленіе бюрократіи[2]). И нѣтъ ничего удивительнаго, что тотъ императоръ, который первый возвелъ императорскую власть до крайнихъ предѣловъ, который первый сталъ выше всѣхъ законовъ, что этотъ императоръ и сдѣлался самымъ крайнимъ финансовымъ насильникомъ. Это былъ Діоклеціанъ[3]). При немъ проведена невиданная мѣра, приводящая въ ужасъ современниковъ (Лактанцій[4]), именно онъ, реформировавъ поземельное обложеніе въ провинціяхъ, распространилъ его и на Италію[5]). Въ основу обложенія кладется jugum. Что же разумѣется подъ jugum? Земли различнаго качества и культуры дѣлились на нѣсколько классовъ, именно, за 1 jugum принимались земли разнаго количества, смотря по качеству. Такъ, 5 югеровъ, то-есть около $1^1/_4$ десятины земли, занятой подъ виноградниками, принималась за 1 jugum; равноцѣнной этому, т.-е. за 1 jugum, принимались 5 десятинъ пахотной земли перваго разряда, 10 десятинъ земли второго разряда и 15 десятинъ пахотной земли третьяго разряда. Если же дѣло касалось масличныхъ полей, то за 1 jugum принималось 225 стволовъ перваго разряда и

---

[1]) Энц. слов. Брокгауза и Эфрона, «Римъ», стран. 782.

[2]) Лактанцій, De mort. pers., c. VII, прямо говоритъ: Adeo (при Діоклеціанѣ) major esse coeperat numerus accipientium, quam dantium, ut enormitate indictionum (id. est: tributorum) consumptis viribus colonorum deserentur agri..., т.-е. число лицъ, живущихъ на казенное жалованіе, было больше, чѣмъ число плательщиковъ податей.

[3]) Ср. характеристику Діоклеціана у O. Seek, Geschichte d. Untergangs d. ant. Welt. 3 Aufl. 1910, I, 6 сл.

[4]) Лактанцій въ De mort pers., XXIII, 2/3, говоритъ по поводу установленія ценза: quae veteres adversus victos iure belli fecerant, haec ille adversus Romanos Romanisque subjectos facere ausus est.

[5]) На самый Римъ, однако, податная реформа не распространилась, и только при преемникѣ Діоклеціана, Галеріи, столица подверглась цензу, но это вызвало возстаніе; а какъ въ дальнѣйшемъ сложилась податная организація въ Римѣ и былъ ли онъ вообще подвергнутъ обложенію, ничего неизвѣстно (F. Leo, Die Capitatio plebeia, 1900, S. 164).

450 стволовъ второго разряда[1]) Словомъ, jugum представлялъ собою счетную податную единицу. Оцѣнки носили самый примитивный характеръ, и для различія земельныхъ объектовъ по разрядамъ принималось во вниманіе только то обстоятельство, находились ли земли на равнинѣ или въ гористыхъ мѣстахъ. Произвести болѣе точную оцѣнку не было ни времени, ни практической возможности, въ виду крайней быстроты проведенія кадастра и въ виду ненадежности персонала оцѣнщиковъ; поэтому взяты только такіе признаки, которые совершенно очевидны и явно бросались въ глаза[2]). Сообразно числу jugum'овъ и назначался окладъ налога для данной области. Кадастръ періодически пересматривался, но его несовершенства были настолько велики, что сильнѣйшая неравномѣрность заставляла многихъ отказываться отъ обработки своихъ земель: ut enormitate indictionum consumptis viribus colonorum desererentur agri et culturae verterentur in silvam (Lact., De mort. pers., 7). Обязаны своевременно уплатить назначенную сумму налога декуріоны, то-есть наиболѣе состоятельные люди въ данномъ округѣ, а по уплатѣ налога въ казну декуріоны взыскивали съ населенія. Слѣдовательно, декуріоны становились сборщиками податей, обязанные круговой порукой не только за себя, но и за все населеніе. Легко понять, каковы были послѣдствія подобной системы, въ какую тяжелую зависимость отъ богатыхъ декуріоновъ попадали бѣднѣйшіе земледѣльцы[3]). Но этимъ фискъ не довольствовался. Описи подлежали всѣ промышленники и ремесленники, такъ какъ и на нихъ были возложены различныя промысловыя подати, отчасти сохранившіяся (въ провинціяхъ) изстари, отчасти установленныя вновь. Налогу подпали и купцы, и ткачи, и слесаря, и портные, словомъ, всякаго рода промышленники, начиная съ банкировъ и кончая лицами, промышляющими проституціей. Не были забыты и колоны — зависимые крестьяне-арендаторы: они должны были платить подушную подать, которую выплачивали за нихъ помѣщики и затѣмъ взыскивали съ нихъ. Чтобы противодѣйствовать утайкѣ имуществъ и занятій, подлежащихъ обложенію, фискъ былъ неумолимо строгъ, примѣняя жестокія мѣры контроля вплоть до пытокъ[4]). Земля, конечно, не могла ускользнуть, но иначе было съ людьми: они могли уйти въ другую область и т. д. И вотъ, чтобы для фиска

[1]) Marquardt, 220.
[2]) Seeck, Schatzungsordnung Diokletians, Zeitschr. f. Soc. u. Wirtschaftsgesch., 1896 S. 280 f.
[3]) Ср. Родбертусъ, IV, 400.
[4]) ...tormenta ac verbera personabant... (Lact., De mort. pers., 23).

не было отсюда потери, людей начинаютъ прикрѣплять къ данной мѣстности. Промышленность подверглась строгой регламентаціи, и цѣлые классы людей закрѣпощаются за извѣстными занятіями; профессіи становятся наслѣдственными, и только за высшими классами признается свобода выбора занятій. Точно такъ же и для колоновъ создаются ограниченія: они и ихъ потомки связаны съ даннымъ участкомъ земли, они становятся, какъ выражается законъ, «рабами земли». Колонъ обязанъ выполнять извѣстныя повинности въ пользу своего господина— помѣщика. Хозяинъ могъ продать колона, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ землей (отсюда стѣсненіе браковъ). Податной гнетъ оказывался настолько сильнымъ, что колоны, привыкшіе терпѣть многое, не выносили и массами спасались бѣгствомъ. Объ этомъ мы слышимъ со времени Константина, т.-е. вскорѣ послѣ податныхъ реформъ Діоклеціана. Не надо забывать, что ко всему этому присоединялись обременительныя повинности по снабженію провіантомъ войска, по сооруженію дорогъ, почты, по доставленію рекрутовъ и т. д. Въ римской имперіи податной гнетъ становится невыносимымъ не только для малоимущихъ гражданъ, но и для куріаловъ, ибо съ нажимомъ податного винта собираніе податей, за которыя они были отвѣтственны, становилось все болѣе затруднительнымъ. Государство прикрѣпляетъ и куріаловъ[1]), чтобы не допустить ихъ отлыниванія, но и это не помогаетъ, а ведетъ только къ дальнѣйшему экономическому разложенію.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ древнемъ мірѣ были прекрасно извѣстны техническіе пріемы обложенія, разнообразные кадастры и утонченные способы взысканія, но тѣмъ не менѣе у народовъ древности податная система есть только признакъ рабства или слѣдствіе крайняго деспотизма. Свободные народы прибѣгаютъ къ прямому обложенію своего населенія лишь въ случаяхъ крайней необходимости, и только временные покорители или деспоты создаютъ себѣ изъ налоговой организаціи машину податного насилія для возможно большаго накопленія богатства, которое либо остается лежать втунѣ, либо расходуется по рукамъ приближенныхъ деспота... Но какъ бы сходны ни были въ нѣкоторыхъ онтошеніяхъ самые пріемы обложенія, практиковавшіеся въ императорскій періодъ, съ пріемами новѣйшаго времени, все же они глубоко отличаются другъ отъ друга. Система хозяйства античныхъ народовъ, именно натурально-

---

[1]) Ср. Cod. 10, 31 сл. и D. 50, 2.

хозяйственная организація, ясно давала себя знать. Съ одной стороны, тогда преобладали характерныя черты античныхъ податныхъ принциповъ: 1) широко развитая натурально-хозяйственная система поставокъ и службъ[1]), именно обязанность для подданныхъ снабжать провіантомъ гарнизоны, доставлять рекрутовъ и выполнять длинный рядъ натуральныхъ повинностей[2]), 2) произвольность и измѣнчивость въ высотѣ податного обложенія, и, наконецъ, 3) раскладка податного бремени самими обязанными и солидарная отвѣтственность плательщиковъ (Родбертусъ, IV). Съ другой же стороны, и въ самомъ устройствѣ государственной казны и въ предметахъ расхода римскаго государства ясно сказывался натурально-хозяйственный характеръ античнаго народнаго хозяйства особенно въ періодъ упадка римской имперіи, когда драгоцѣнные металлы все болѣе стали исчезать изъ народнаго обращенія[3]). Какъ главные доходы состояли въ предметахъ — въ хлѣбѣ, фуражѣ, винѣ, маслѣ, соли, древесныхъ матеріалахъ, металлахъ и т. д., такъ въ этомъ же состояли и расходы. Вотъ почему римская казна не представляла изъ себя ряда казначействъ или кассъ, какъ въ новѣйшее время, нѣтъ, это было огромное число кладовыхъ и житницъ. Въ одномъ только Римѣ въ позднѣйшее время имѣлось 335 общественныхъ житницъ. Слѣдовательно, это было не кассоводство, какъ въ наше время, а магазинноводство. Правда, все оцѣнивалось на деньги, подати исчислялись на деньги, цензъ устанавливалъ денежные оклады, но когда вся хозяйственная жизнь народа носила натурально-хозяйственный характеръ, т.-е. не имѣла сколько-нибудь развитого денежнаго обмѣна, то какъ же финансовая система могла носить иной, чѣмъ натуральный характеръ съ безконечнымъ рядомъ кладовыхъ и житницъ? А между тѣмъ населеніе страдало какъ разъ вслѣдствіе сбора налоговъ натурой (обременительность доставки, неравномѣрность и т. д.), почему иногда населеніе прямо ходатайствовало о переводѣ натуральныхъ повинностей въ денежныя[4]). Но большая рѣдкость монеты къ концу

[1]) Ср. Salvioli, l. c., 271.

[2]) Одною изъ такихъ весьма тяжелыхъ для населенія повинностей была ямская (почтовая) повинность, гдѣ населеніе должно было содержать станціи и перевозить посланцевъ, ѣдущихъ по государственнымъ надобностямъ; здѣсь была масса злоупотребленій, и безплатными разъѣздами необычайно отягчали народъ. См. E. Glasson, Histoire du droit et des institutions de la France, 1887, I, 356 сл.

[3]) См. Salvioli, гл. IX.

[4]) Григорій Турскій, Vitae patrum, II, 1, сообщаетъ: Sanctus Illidius (IV вѣкъ по Р. Хр.) obtinuit ab imperatore ut Arverna civitas, quae tributa in specie triticea ac vinaria dependebat, in auro dissolveret, quia cum gravi labore penui inferebantur imperiali (цит. по Fustel de Coulanges, J. p., II, 50). Ср. еще M. Weber, Die römische Agrargeschichte, 1891, S. 212.

императорскаго періода ставила тому непреодолимыя препятствія и крайне затрудняла централизацію финансоваго хозяйства.

Но какъ бы то ни было, надъ всей римской финансовой системой тяготѣлъ самый крупный гнетъ: это — военный бюджетъ. Римскій историкъ Вопискъ, жившій во время Діоклеціана, сообщаетъ, что императоръ Пробъ серіозно думалъ о сокращеніи арміи, за что былъ убитъ своими солдатами[1]). Какъ выражается Вопискъ, «Пробъ обѣщалъ возвращеніе золотого вѣка» (aureum profecto saeculum promittebat), и, дѣйствительно, римляне по поводу перспективы отмѣны солдатчины могли вмѣстѣ съ Вопискомъ воскликнуть: «едва ли можно постигнуть такую благодать»[2]). Если для нашего времени милитаризмъ оказывается огромнымъ, трудно выносимымъ бременемъ, то во сколько болѣе онъ долженъ быть таковымъ въ римской имперіи, гдѣ еще не умѣли заставлять природу работать на себя и гдѣ народонаселеніе уменьшалось? Оттого тогдашнее земледѣліе, ремесла и судоходство должны были не только испытывать вредныя послѣдствія военнаго набора и военнаго бюджета, но и страдать въ огромной степени и отъ того, какъ раскладывалось тяжелое податное бремя. Не слѣдуетъ, правда, видѣть въ податной эксплуатаціи того времени главную причину паденія римской имперіи. По справедливому замѣчанію Фюстель де Куланжа, деспотическія государства — какъ разъ наиболѣе слабыя въ дѣлѣ взиманія налоговъ, и, дѣйствительно, римскіе императоры, въ концѣ концовъ, оказывались безсильными создать достаточно обильную и совершенную податную систему, несмотря на всѣ усилія, сдѣланныя въ этомъ направленіи[3]). Съ одной стороны, государство было вынуждено придерживаться въ сборѣ прямыхъ налоговъ раскладочной системы (откупъ въ чистомъ видѣ или откупъ контролируемый оказывался и слишкомъ обременительнымъ для населенія, и слишкомъ невыгоднымъ для фиска[4]); сборъ же прямыхъ налоговъ чрезъ посредство государственныхъ чиновниковъ былъ безконечно труденъ, между прочимъ, и потому, что приходилось имѣть дѣло въ громадной степени съ налогами, уплачиваемыми натурою, а это естественно влекло за собою закрѣпощеніе тяглового населенія (солидарная отвѣтственность и т. д.) и пассивное сопротивленіе. Съ другой стороны, капиталъ, не находя выхода въ промышленной дѣятельности, устремился на пріобрѣтеніе

---

[1]) Vopisc., Probus, 20, 23.
[2]) Родбертусъ, IV, 401.
[3]) Ср. еще F. Dahn, Prokopius von Cäsarea, 1865, S. 289 сл.
[4]) Ср. Ростовцевъ, Исторія гос. откупа, ч. V.

земли, которая являлась источникомъ правъ и общественнаго значенія людей[1]). Мелкая земельная собственность пожиралась крупными землевладѣльцами: мелкіе крестьяне, не имѣя доступа къ иному кредиту, какъ къ кредиту у богатаго землевладѣльца, впадали во все большую зависимость отъ него. Напрасно императоры стремились поддержать мелкое землевладѣніе. И даже наоборотъ, податное законодательство снова лишь разрушало тѣ слабыя попытки, которыя имѣли цѣлью предупредить обезземеливаніе мелкой собственности[2]). Такимъ образомъ, растетъ крупное землевладѣніе съ зависимымъ населеніемъ. Земельные магнаты становятся все болѣе независимыми отъ центральной власти; сборъ налоговъ затрудняется, какъ это можно заключить изъ императорскихъ указовъ, все чаще провозглашающихъ угрозы противъ неплательщиковъ[3]). Это — не сопротивленіе императорской власти, которая пользуется попрежнему высокимъ почетомъ и признаніемъ, а естественное послѣдствіе разложенія страны на отдѣльныя, мало зависимыя другъ отъ друга латифундіи. Въ результатѣ получается возвышеніе и ростъ класса аристократовъ, исчезновеніе самостоятельныхъ низшихъ классовъ и ослабленіе авторитета центральной власти. Мелкій людъ старается стать подъ защиту сильныхъ магнатовъ. Какъ говоритъ св. Августинъ, «бѣдные подчиняются власти богатыхъ, чтобы имѣть отъ нихъ пропитаніе и жить въ безопасности подъ ихъ защитой»; или какъ выражается Сальвіанъ, «слабые отдаютъ себя власти вельможъ, чтобы имѣть отъ нихъ защиту и безопасность»[4])...

Такъ наступаетъ эпоха феодализма, не давшая новыхъ идей въ области государственныхъ финансовъ и податной организаціи, но скорѣе лишь заглушившая тѣ централистическія тенденціи финансоваго хозяйства, которыя создались въ эпоху абсолютной римской монархіи. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Въ заключеніе еще только одинъ вопросъ. Еще старый нѣмецкій ученый Гегевишъ указалъ на противоположность между государствами древности и государствами новѣйшими въ томъ отношеніи, что въ первыхъ финансовое устройство и установленіе податей почти никогда не давало повода къ государственнымъ

[1]) См. Fustel de Coulanges, II, 190.
[2]) Ср. Rostowzew, Gesch. d. röm. Kolonates, 400, и его же статья: Kolonat въ Handw. d. Staatsw., 3 Aufl. S. 918.
[3]) Fustel de Coulanges, Inst. pol., II, 203.
[4]) Тамъ же, 204.

переворотамъ, между тѣмъ какъ въ послѣднихъ это происходило весьма часто[1]). Это явленіе нельзя объяснять незначительностью финансоваго хозяйства древности: относительно финансы въ древнемъ мірѣ были отнюдь не незначительны, напр. тѣхъ же Аѳинъ, такъ какъ мы должны принять во вниманіе величину греческихъ государствъ сравнительно съ современными. Далѣе, во многихъ отношеніяхъ налоги древности, при господствѣ натуральнаго хозяйства, были гораздо болѣе обременительны для населенія, чѣмъ нынѣшніе при совершенствѣ податной техники и умѣніи лучше оцѣнивать доходы гражданъ. Но отмѣченное Гегевишемъ явленіе объясняется, на мой взглядъ, слѣдующимъ образомъ. Соціальная борьба въ финансовой области происходила въ древности, исключительно, между отдѣльными классами: здѣсь шла борьба, исключительно, за то или иное соціальное распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Это, такъ сказать, внутренняя междуклассовая борьба,—борьба между аристократами и плебеями, борьба между богатыми и бѣдными. Съ другой стороны, область прямого обложенія въ древности, обычно, тѣсно связана съ вопросомъ о господствѣ надъ покоренными. Здѣсь финансовая эксплуатація нерѣдко играла второстепенную роль сравнительно съ политической и экономической эксплуатаціей вообще, напр. какъ это было въ дѣлѣ эксплуатаціи провинцій со стороны сословія всадниковъ. Наоборотъ, въ средніе вѣка и въ новѣйшее время борьба шла за самое право обложенія, за право принудительно лишать собственности. Это — борьба за власть, борьба между правительствомъ и народомъ. Вотъ почему здѣсь и возникали конституціонные вопросы. Когда же представительный строй былъ достигнутъ, тогда опять политическая борьба въ финансовой области начала сводиться къ партійной и междуклассовой борьбѣ...

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

[1]) Boeckh, Staatsh., I, 181.